

185332

А. ЛАКАЗ

ЧЕТЫРЕ ГОДА
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ
РАБОТЫ

ВОЕННЫЙ ДОК. 1939

Цена 1 руб. 10 коп.

ЦНБ ХНУ
Дата повернення:
04 ЯНВ 2003

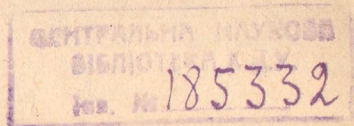
myo

Л. Луказ

ЧЕТЫРЕ ГОДА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

(1914 — 1918 гг.)

Издание второе

Государственное Военное Издательство
Наркомата Обороны Союза ССР
Москва — 1939

58

Д
И. Лаказ. *Четыре года разведывательной работы (1914—1918 гг.)*.

Книга разведчика Лаказа излагает опыт агентурной разведки периода первой империалистической войны 1914—1918 гг., проведенной автором против Германии в пользу Франции главным образом на нейтральной территории — в Швейцарии.

Книга французского разведчика Лаказа «Четыре года разведывательной работы» принадлежит к довольно многочисленной серии книг по вопросам шпионажа, выпущенных за последние три-четыре года.

Лаказ излагает свой четырехлетний опыт организационной шпионской деятельности в период войны 1914 — 1918 гг.

В книге освещается главным образом опыт агентурной разведки оперативного масштаба — работа небольших прифронтовых разведывательных пунктов, организующих разведку исключительно в интересах войсковых соединений, действующих на данном оперативном направлении. Но, как видно из описания, цели и задачи шпионских организаций не ограничивались только собиранием сведений о силах и намерениях противника. Всякого рода диверсии, взрывы, поджоги, внесение разложения в ряды противника, — все это входило в круг обязанностей любого шпиона.

Спыт показывает, что организация шпионажа с территории нейтрального государства не является исключением, а скорее служит правилом. В войну 1914—1918 гг. нейтральные страны, расположенные на флангах враждующих коалиций: Скандинавские страны, Голландия, Швейцария, Испания и Румыния (до вступления в войну), служили очагами шпионажа. На территории этих стран, нередко в одном городе и на одной улице, помещались представители разведывательных органов двух враждебных армий, ведя разведку друг против друга.

За время итало-германской интервенции в Испании были десятки случаев, когда французская полиция выявляла на территории Франции, вблизи испанской границы, организаторов шпионажа мятежников и интервентов. Испанским министерством внутренних дел было точно установлено, что помещения дипломатических представительств некоторых капиталистических государств в Мадриде, Валенсии

и Барселоне, пользуясь правом экстерриториальности, являлись гнездами шпионажа, укрывали в своих стенах шпионов и диверсантов мятежников.

Нет никаких сомнений в том, что фашистские страны, не имеющие с нами непосредственного территориального соприкосновения, в области развития шпионажа против нашей великой родины также получили «границы в кредит». Мы должны знать, что немецко-японские шпионы и диверсанты проникают и будут проникать к нам с территории любого граничащего с нами государства из лагеря капиталистического окружения.

Книга Лаказа вскрывает перед нашим советским читателем организационную структуру низовых (армейских) органов, руководивших французским и немецким шпионажем, дает представление о том, как строилась шпионская сеть на иностранной территории, какими коварными методами проводилась вербовка шпионов, какую категорию людей наметал и чем привлекал их в свои сети агент-вербовщик.

Глава первая
ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Черные тучи, возвещавшие о приближении войны, стали сгущаться в самом начале 1914 г.

Я жил в деревне, где я — эльзасский француз — занимался сельским хозяйством.

1 августа 1914 г., находясь в Мюлузе, я навестил своего старого друга — доктора Х. Это был настоящий эльзасский француз. Мне нечего было от него скрывать.

— Что вы думаете делать? — спросил он меня.

— Если бы не моя семья, я уехал бы отсюда, так как я не хочу служить в германской армии. А вы?

— Меня уже призвали, — ответил он. — Я пойду в германскую армию только ради стариков-родителей. Но можете быть уверены, что я не пропущу ни одного случая оказать Франции столько услуг, сколько это будет в моих силах. Как жаль, что мы не сумели предвидеть того, что должно было случиться. Мы могли бы найти выход, а теперь, к сожалению, слишком поздно.

— Мне кажется, вы ошибаетесь. Главное теперь — это воспользоваться случаем. Я буду стараться держать с вами связь. Кто знает, быть может, мы увидимся в скором времени и на французской стороне, — ответил я.

16 сентября группа крестьян пришла ко мне на ферму.

— Появился приказ о мобилизации всех мужчин, способных носить оружие. Завтра нужно будет ехать, но мы не хотим. Что теперь делать? — спрашивали они.

Я ответил:

— Нам требуется не более пяти часов, чтобы добраться до С., который занят французами. Едем туда сегодня ночью.

— Но немцы будут стрелять в нас?

— Это еще не доказано. Среди вас есть Биркель, самый ловкий браконьер Верхнего Эльзаса. Пусть он проведет нас в С. Остальное я беру на себя.

— Мы знаем, что вы все устроите, потому мы и пришли к вам.

Когда все крестьяне вышли за ворота, ко мне вернулся браконьер.

— Скажите откровенно, вы серьезно решили ехать в С.? — спросил он.

— Да, — отвечал я, — совершенно серьезно.

— В три часа утра я зайду за вами. Но только никому ни слова.

.....
Наше бегство осталось незамеченным.

— Ложитесь! — скомандовал браконьер и спокойно добавил: — Теперь можете кричать «Франция».

— А если это немцы?

— Глупости, об этом и не думайте.

Я вынул из кармана платок и, помахивая им над головой, крикнул:

— Не стреляйте, мы друзья!

— Подойдите сюда! — ответил нам голос с противоположной стороны луга.

Под деревом стоял солдат N стрелкового батальона.

— Вы куда направляетесь?

— В С. Где можно найти вашего начальника?

— Идите по этой дороге, там вам укажут.

Пять минут спустя мы шли по большой дороге, направляясь к деревне. Вдруг слышу, что кто-то окликает меня по имени. Оборачиваюсь, передо мной стоит мой двоюродный брат Рауль и, радостно улыбаясь, говорит:

— Вот встреча! Это прямо невероятно!

На нем был серый костюм и серая шляпа. Винтовка немецкого образца была перекинута за плечо.

— Значит теперь ты наш? А твоя жена? — спрашивает он.

— В Италии вместе с детьми.

— А ферма?

— Доверена управляющему, — ответил я. — До последнего момента я оставался на своем посту, но после дополнительной мобилизации решил бежать.

— Я был уверен, что ты придешь к нам. Есть ли у тебя какие-либо сведения?

Я сообщил ему все, что узнал три дня тому назад в Мюлузе и Кольмаре.

— Особо важного ничего нет. Все это ты расскажешь вечером капитану в М.

На следующий день я и Рауль поехали в М. Часть пути мы совершили на лошадях, остальную — на автомобиле. Шофер Бертон был в разведке своим человеком. Он правил своей собственной машиной. Несмотря на свой хронический ревматизм, он пошел в армию добровольцем.

Вот и здание разведки. Начальник — капитан Сажер, маленький, но крепкий человек лет 35—38, по происхождению эльзасец. Близорукие глаза за очками блестят умом, усы длинные, речь отрывистая. В конце нашего разговора он сказал:

— Благодарю вас, вы мне сообщили несколько полезных сведений. Что вы думаете теперь делать? Я знаю через вашего двоюродного брата, что ваша семья в Италии. Если вы хотите ехать к ней, я выдам вам нужные бумаги.

— Нет, капитан, я буду трусом и дезертиром, если не останусь драться против общего врага.

Он поглядел на меня. В его глазах блеснул и тотчас же погас огонек. Пожимая мне руку, он проговорил:

— Вы хороший парень. Завтра вы пойдете в Безансон и запишетесь добровольцем в армию. Я беру вас к себе в разведку. Вы знаете немецкий язык, немецкую армию и мне будете очень полезны. Вы согласны?

На другой день Рауль поехал к передовым позициям, а я отправился в Безансон. Приехав на место, я прошел медицинский осмотр с минимумом формальностей. Мне предложили выбрать псевдоним.

Я выбрал себе фамилию Рожера, несколько изменив фамилию своего предка, служившего полковником в швейцарских войсках в 1789 г. Местом своего рождения я избрал деревушку на севере Франции.

Я официально был принят на службу в разведку.

Глава вторая

БУДНИ

Большинство людей имеет ложное представление о здании, в котором помещается разведка, воображая себе таинственные, зорко охраняемые берлоги с длинными темными коридорами, потайными дверями и лестницами. В комнатах зловещие люди окружают себя непроницаемой тайной и работают над бесчисленным множеством дел. Наконец, центр этого убежища — логово самого начальника, гигантского паука, плетущего паутину всевозможных интриг и козней. Те, которые воображают действительность в подобном романтическом свете, наверное прочитали несколько полицейских романов. Но они, конечно, никогда не бывали в разведке в М. Все здесь — просто и ясно. Маленький городок, старая кривая улица, подобная многим другим таким же улицам. В глубине большого двора находится гараж. Привратник, бывший жандарм Р., безгранично преданный и верный человек, стоит в вестибюле главного здания, находящегося слева от гаража. Тут же находятся вестовой и дежурный шофер.

В соседней комнате помещаются машинистки. Не воображайте себе маленьких брюнеток или блондинок с вздернутыми носиками и тонкими пальцами. Нет, это были военные машинистки, одетые в плохо скроенную форму из довоенного толстого материала.

Следующая, более обширная и светлая комната служила помещением для начальства. Тут сидели капитан Сажер, начальник разведки, и капитан М., которого я сначала принял за кавалериста, хотя он пришел к нам из пехоты. Большею частью он выполнял поручения в прифронтовой полосе и разъезжал на автомобиле по всему сектору. Я скоро заметил, что между обоими капитанами отношения были несколько натянуты. В скором времени М. от нас уехал и был заменен лейтенантом запаса, фабрикантом и богачом, проявившим себя, как хороший и преданный человек.

Был еще переводчик, лейтенант Буавен, исполнявший также обязанности кассира.

Слева, в глубине комнаты, за отдельным столом, сидел полковник Н., маленький человек, одетый всегда в штатское. Давно выйдя в отставку, он вернулся в армию к началу войны. Его назначили в нашу разведку, что ни в какой степени не облегчало работу начальника — капитана Сажера. Полковник Н. занимался только чтением немецких газет и журналов.

Неоднократно, отдавая приказания, капитан почтительно повертывался к старому господину в штатском и спрашивал:

— Не правда ли, полковник, вы одинакового со мной мнения?

На что тот неизменно отвечал:

— Без сомнения, вы вполне правы.

На стене, у которой работал полковник, висела огромная карта, где полоса фронта была отмечена жирной линией, французская сторона карты оставалась совершенно чистой, немецкая — покрыта арабскими и римскими цифрами, указывавшими расположение армий и дивизий противника.

Все белые места на этой стороне карты являлись для нас немым укором и свидетельствовали о недостаточности нашей работы. Сколько раз, указывая на какое-нибудь место на карте, капитан говорил мне: «Посмотрите-ка сюда... Вы меня поняли, не правда ли?», что означало: «У нас нет сведений о такой-то дивизии или о таком-то районе. Постарайтесь разузнать об этом как можно скорее».

Что меня больше всего удивляло, так это малочисленность посетителей, которые приходили в разведку. Правда, я видел нескольких господ в штатском, но это были большей частью комиссары прифронтовых вокзалов. Жителей, добровольно дающих сведения, я видел не больше одного-двух раз. Все остальные агенты, особенно наемные, никогда не бывали в М., а давали сведения в Швейцарии или на границе. Несмотря на то, что капитан мог вызвать любого из своих агентов в М., он это делал как можно реже, не желая видеть в здании разведки много людей, иногда подозрительных. Следует отметить, что тайная полиция после объявления войны перешла полностью в ведение разведки.

Работа в разведке в М. показала мне, какие чудеса могут делать ум и воля человека. Только после долгого и терпеливого труда, в результате сообщений пленных, най-

денных у них писем, каждодневного контроля почты, вырезок из бесчисленных иностранных газет и, наконец, благодаря немногочисленным донесениям наших агентов, удалось установить размеры гигантского аппарата немецкой армии.

Помню, как-то раз капитан М. сказал следующее:

— В августе, когда мы стали свидетелями нашего отступления, в генштабе спрашивали, не потерял ли французский солдат свои боевые качества? Почему, имея численно равные по сравнению с неприятелем силы, мы все же отступаем по всему фронту? В то время мы еще не знали, что немцы, по нашим расчетам имевшие 20 корпусов, на самом деле имели их 40; в начале войны была произведена мобилизация резервов. Таким образом, на каждого нашего солдата приходилось два немецких.

По правде сказать, это утверждение казалось мне невероятным. Но если оно соответствует действительности, то наша беспечность непростительна; странно, что неприятель сумел мобилизовать и вооружить такую массу войск, а наше командование не узнало об этом.

Капитан Сажер требовал от своих подчиненных точного знания расположения немецких войск. Часами я простаивал перед громадной картой, выучивая наизусть нанесенные на ней цифры; когда же случалось не ответить на некоторые поставленные мне вопросы, на мою голову обрушивался целый ураган.

К счастью, в нашей жизни были и развлечения. Всякий раз, когда М. ехал в экспедицию в Эльзас, он брал с собой Валери и меня. Таким образом, мы объехали весь Верхний Рейн, занятый нашими войсками, от города Танна до швейцарской границы. В этих поездках я начал по-настоящему изучать Францию.

Как-то раз я и капитан М. поехали завтракать в Т., в таверну, которую содержал хозяин со своей красавицей-дочкой Жоржеттой. Обстановка располагала посетителей держать себя, как дома. После хорошего обеда и особенно после хороших вин у всех не в меру развязывались языки. Я был здесь свидетелем легкомыслия и беспечности, в чем так часто упрекают французов.

Генералы и штабные офицеры ели и пили в маленьком зале таверны, отделенном от кухни портьерой, за которой всякий мог спрятаться и подслушивать их разговоры. Для

этой роли как нельзя более кстати подходила молодая трактирщица, но так как она была любезна, приветлива, неплохо говорила по-французски, то никто и не думал ее остерегаться.

«Если бы,— думал я,— на той стороне фронта, в маленьком городке Альткирше, где расположился штаб армии противника, имелась подобная таверна с такими же разговорчивыми посетителями, то там можно было бы собрать богатую жатву».

Иногда нас брал с собой доктор Бюшер, служивший в нашей разведке под начальством капитана Сажера. Он установил свой наблюдательный пост в Р. и работал большей частью в районе швейцарской границы.

Это был холодный и рассудительный человек, ни перед чем не останавливающийся для достижения своих целей.

Я думаю, что этот человек питал ко мне некоторое уважение. Я с самого начала понял его отношение ко мне и впоследствии пользовался этим: как только у меня возникала какая-нибудь идея или план, вместо того, чтобы поговорить с капитаном, вечно занятым и перегруженным работой, я делился своими мыслями с доктором. Если мое предложение нравилось ему и казалось возможным и выгодным, он при удобном случае выдавал его за свое.

К концу октября, воспользовавшись поездкой в Лэнж, я поделился с доктором Бюшером одним планом, возникшим у меня во время моей первой поездки к швейцарской границе. Неподалеку от нас находилось местечко С., показавшееся мне очень удобным местом для работы. Несколько дней спустя капитан Сажер потребовал меня и Валери к себе.

— Вы уже освоились с нашей работой и научились отличать, что важно для нас и что нет. Не хочу дольше оставлять вас в М., мне кажется, вы уже достаточно соскучились, сидя здесь. Доктор Бюшер, обосновавшийся недавно на границе, предложил мне послать вас в С. Таким образом, возле швейцарской границы у нас будут два наблюдательных пункта. Произвожу вас в бригадиры, так как хочу, чтобы вы имели некоторый вес: вы будете иметь дело с большим начальством. Но не забывайте, что ваш авторитет зависит исключительно от вашего поведения. Само собой разумеется, вы не откажете в своих услугах местным властям, но в то же время помните, что вы за-

висите только от генерального штаба, а ваше прямое начальство — я. Никто не имеет права допрашивать вас. Даже генералу вы можете спокойно ответить, что не можете ни о чем говорить. Конечно, все это нужно делать с тактом, так как я не хочу иметь неприятностей. Колесо должно вертеться, но чтобы я не слышал его скрипа.

Глава третья

ПЛОДОТВОРНАЯ РАБОТА

В неприглядный, серый ноябрьский день Валери и я, со своими чемоданами и пишущей машинкой, остановились перед дверью «Королевской гостиницы». Мы сняли по комнате и отправились обедать в маленький зал, который до войны обыкновенно предоставлялся несемейным чиновникам.

Кто были мы, как не тайные чиновники, не имеющие определенных занятий? «Собирать сведения», что можно было найти более неопределенное? В то время мы еще не были посвящены во все тонкости дела. Теперь в аналогичных случаях я знал бы, что надо делать при наличии плохо охраняемых границ и такого неумелого противника, какими были вначале немцы. Но тогда, без специальных знаний и опыта, без настоящей смелости, я чувствовал себя, как перед огромной отвесной стеной, на которую нужно забраться. Для моего более молодого и горячего товарища такое положение вещей было невыносимо, и он окончательно пал духом. Сколько раз он говорил мне тоном полного отчаяния:

— Что мы тут делаем, чорт возьми? В то время как по всему фронту идут бои, мы прогниваем в единственном секторе, где никогда ничего не случается. Я чувствую себя таким бесполезным, что мне становится стыдно.

Успокаивая его, я в то же время чувствовал, что он прав.

Но что-то говорило мне, что при терпеливой работе, направленной к достижению одной цели, может случиться чудо: невозможное до сих пор станет возможным.

С. занимали две роты территориальных войск и одна рота пограничников. Офицеры столовались в гостинице, и мы с ними часто встречались.

Наши войска в то время начали укрепляться на левом берегу реки Лярг, и можно было предвидеть, что немцы то же сделают на правом берегу. В этом месте на протя-

жении одного километра швейцарская территория вклинивалась в Эльзас. Создалось довольно необычное положение. По обеим сторонам швейцарской территории тянулись к югу немецкие и французские укрепления, упираясь в швейцарскую границу. Швейцарцы на конце своего клина построили по всем правилам техники блокауз, вооруженный пулеметами и способный выдержать ураганный огонь тяжелых орудий.

Эта часть фронта представляла собой любопытную картину: на холмах, которые тянулись к востоку от реки, французы, одетые в форму синего цвета, копали землю, рубили и пилили толстые бревна для укреплений; на противоположной стороне солдаты немецкой армии делали то же самое. Между ними солдаты швейцарской армии в темнозеленой форме с красными эполетами тоже имели дело с лопатами, топорами, пилами и молотками. Таким образом, простым глазом можно было видеть на протяжении 500 или 600 метров представителей трех различных армий, одинаково укрепляющихся и делающих вид, что они не замечают друг друга.

Это было единственное место на протяжении всего фронта, где можно было безнаказанно показаться противнику. Немного к северу необходимо было быть очень осторожным, потому что там можно было стрелять без того, чтобы пули пролетали над швейцарской территорией. Многие, забыв жестокие законы войны, заплатились жизнью за один лишний шаг.

К ночи, так было в начале войны, все войска покидали окопы и возвращались на квартиры. Как-то раз через швейцарскую территорию был послан патруль пограничников. Мы пошли вместе с ним, и нам посчастливилось привести трех пленных немецких сапер, которых мы немедленно отправили в штаб дивизии на допрос.

Вечером нас позвал к себе командир батальона Ласель и сказал:

— Лейтенант пограничников сказал мне, что пленные были взяты с вашей помощью. Командующий дивизией поздравил меня, ибо допрос дал хорошие результаты. Лично я считаю, что не следует убивать людей, как это хотели сделать пограничники. Ваш поступок полностью одобряю.

Я немедленно воспользовался его расположением и объяснил нашу задачу: прежде всего мы должны добывать сведения в Швейцарии и в тылу, а также быть полезными ему во всем, что входит в круг наших обязанностей.

В скором времени Ласель стал безгранично доверять мне. Не прошло и месяца, как никто не смог пройти от С. до границы без моего разрешения. А через несколько месяцев я и Валери имели в С. большую силу.

В числе людей, приходивших ко мне за пропусками, оказался один каменщик-итальянец, по имени Витторио Каваньетто. Я подумал, что этот человек сможет принести нам пользу, и начал с того, что предложил ему добыть некоторые сведения, за что обещал платить сообразно оказанным им услугам.

Витторио Каваньетто мне рассказал:

— Я выполнял обязанности почтальона. Два раза в неделю я проходил по деревням, занятым французами, и собирал письма для эльзасцев, которые служат в немецкой армии; последние, в свою очередь, пересылают письма одному содержателю бара в Б., а он передает эти письма мне для пересылки их сюда. Я получал за доставку писем хорошие деньги, и все были довольны. Но несколько дней тому назад генерал запретил мне заниматься этим делом, поэтому у меня и нехватает смелости пойти в Б. за очередной почтой. Там ждет меня большая бельевая корзина, полная писем.

Эта корзина не дала мне заснуть всю ночь. Я знал, что всякие сношения с неприятелем были категорически воспрещены.

Я боролся с собой 24 часа, потом позвонил доктору Бюшэру.

— Доктор, письма от немецких солдат. Сотни писем. Совсем недавно запрещено приказом по армии. Значит, ничего нельзя сделать?

— Пока ничего. Надо подождать, чтобы приказ несколько устарел.

Я сдерживал себя еще в продолжение суток, а на следующий день решил:

— К чорту все приказы! В данном случае они меня не касаются.

Лил проливной дождь.

— У вас есть плащ? — спросил я Каваньетто.

У него оказался большой черный плащ, один из тех, которые носят итальянцы во время зимы, перекидывая одну сторону через плечо и закрывая себе часть лица.

— Берите его и идите за мной.

Полчаса езды на автомобиле до наших передовых постов, 200 метров, пройденных пешком под проливным дождем, — и мы у границы. Через дорогу протянута цепь, за

нею швейцарский солдат в полном боевом снаряжении охраняет границу. Итальянец перепрыгивает через барьер на ту сторону, я остаюсь его ждать. Через некоторое время он вернулся вместе с содержателем бара в Б., которому я сухо объявил, что приказания, касающиеся почты, отменены и что он может быть спокоен.

Витторио прикрыл плащом корзину, и мы благополучно добрались до моей комнаты.

Какая великолепная жатва! Каваньетто опустошил свою корзину, и на столе выросла целая куча писем, накопленных в течение десяти дней.

Немедленно я и Валери принялись за сортировку. Все письма с фронта — на стол, остальные — на кровать. Первые с печатью «фельдпост» (полевая почта) имеют пометки: такая-то дивизия, такой-то армейский корпус, такая-то армия... Ошибиться невозможно. Организационные способности немцев проявляются во всей своей полноте. В довершение всего отправитель не преминул написать на оборотной стороне конверта свой подробный адрес: например, мушкетер Гербер, 2 рота, 112 полк, XIV корпус.

Мое сердце трепетало от радости в то время, как одни письма я клал на стол, другие на кровать. Потом я вскрыл несколько писем, показавшихся мне наиболее интересными. На это я не имел никакого права.

Прочитав приблизительно писем 40, я сажусь на велосипед и еду в почтовое отделение в Р. Связываюсь оттуда по телефону с капитаном Сажером, и у меня с ним происходит разговор, который останется в памяти до конца моей жизни.

— Капитан, у меня, наконец, имеются очень интересные сведения.

— Ого, говорите, я вас слушаю, но не очень быстро, чтобы я смог записывать.

— Такого-то числа... пехотный полк... дивизии, принадлежащей к... армии, высадился в городе Н. в провинции Шампань... ноября... дивизия выехала из... во Фландрию... ноября...

— Постойте, постойте, не так скоро. Сначала скажите мне, откуда у вас все эти сведения?

Рассказываю ему обо всем, не пропуская ни малейшей детали. Объясняю также, что прекрасно понимаю, на что иду и чем рискую.

— Вы сами ездили за письмами?

— Да, капитан.

— Что вы теперь думаете с ними делать?
— Доставить адресатам.
— Доставить?
— Да, для того, чтобы те ответили как можно скорее.
— И вы же пошлете ответы в Швейцарию?
— Да, капитан, чем скорее солдаты получают письма от своих родных, тем скорее они ответят, мы же заинтересованы в...

— Да, да, конечно. Ну, а приказ?
— ?!...
— Ну, хорошо, ждите меня завтра, сегодня выехать к вам я не могу.

— Должен ли я продолжать чтение писем?
— Что за вопрос, конечно, продолжайте.
Звоню доктору, чтобы он был в курсе дела, возвращаюсь к себе и продолжаю чтение писем. Теперь я был совершенно спокоен: капитан был слишком умен, а генеральный штаб слишком падок на новости, чтобы упустить подобную драгоценность. Мои предположения оказались верны. К приезду капитана мы успели вскрыть все письма солдат, которые были полны ценными сведениями. Чтение, приблизительно, 250 писем немецких солдат дало такие прекрасные результаты, что я стал пропускать все то, что непосредственно не касалось военных вопросов.

Я сообщил капитану Сажеру свою программу, выработанную мной во время бессонной ночи.

— Не отправляйте ни одного письма без того, чтобы не прочесть его, за это будете ответственны вы. Если появится много работы, я вам вышлю кого-нибудь в помощь.

Оглянувшись вокруг, капитан Сажер продолжал:

— В этом отеле вы оставаться больше не должны. Вам нужно отдельное помещение, так как в этих делах надо соблюдать полнейшую тайну. Устраивайтесь как следует, а если будут нужны дополнительные расходы, предупредите меня.

Быстро нашлось подходящее помещение. Из маленького домика, занимаемого ранее ветеринаром, немедленно были выселены солдаты. В первом этаже имелись три комнаты, из которых я сделал два рабочих кабинета и свою спальню. Денщик, прикомандированный к нам, чистил и охранял домик в то время, как мы уходили в отель, где продолжали столоваться. Когда все было устроено, я сообщил об этом капитану, немедленно приехавшему к нам.

— Что вам теперь нужно, — сказал он, — так это теле-

фон. Вы не должны больше звонить из разных мест и терять более часа на езду в Р.

Четыре дня спустя я был соединен с почтовым отделением, которым заведывала прекрасная молодая девушка. Ее все называли: «Барышня из Р.».

С этого момента наша работа приняла регулярный характер. Каждое утро кто-нибудь из нас ехал к границе за почтой. Потом я быстро распечатывал и прочитывал письма, написанные солдатами, чтобы к 11 часам по телефону передать наиболее важные и спешные сведения. После этого я брался за остальную корреспонденцию. Позже, когда прочитывалась вся корреспонденция, все сведения концентрировались в ежедневном рапорте, в котором сообщалось о продвижении войск, появлении новых войсковых частей, о вооружении, снабжении и т. д.

Вначале раздавал и собирал письма Каваньетто. Я посоветовал ему сделаться разносчиком, чтобы свободно передвигаться. Скоро все семьи немецких солдат из оккупированных нами мест стали пользоваться услугами Каваньетто. Число корреспондентов только с французской стороны дошло до тысячи. Был только один недостаток: почти все солдаты, получающие письма и отвечающие на них, принадлежали к XIV корпусу. Но мало-помалу многочисленные случаи дезертирства из 99-го Савернского полка вызвали значительное изменение; многие эльзасцы были отправлены на русский фронт; другие, раненые или больные, были переведены в тыловые части. Таким образом, с первых же месяцев 1915 г. мы стали получать информацию отовсюду.

К несчастью, и это было неизбежно, на голову нашего почтальона стали сыпаться доносы. Несколько раз его задерживали и находили при нем пачки драгоценных писем. Это заставляло меня каждый раз спешить к нему на помощь.

В конце концов я должен был сам взяться за распределение почты. К довершению всех бед Валери был ранен и эвакуирован в тыл. Его тяжело ранило осколком снаряда, и он едва не лишился левой руки. Только спустя долгое время он вернулся на фронт. Я остался без прекрасного товарища, полного молодости и веселья. Вместо Валери мне прислали молодого мюлузца по фамилии Дитрих, недавно вступившего в армию. Ему я поручил распределение почты; он достал себе мотоцикл и объезжал прифронтовую полосу Эльзаса два раза в неделю. К концу января 1915 г.

вся наша организация прекрасно работала; количество писем все увеличивалось.

Такое положение вещей продолжалось до конца июня 1915 г. С этого момента мы стали получать все меньше и меньше сведений, тогда как число писем, прошедших военную цензуру, увеличилось. Реже показывались на конвертах номера дивизий и армий, а потом исчезли и адреса отправителей. Начались осложнения.

В это время у меня возникла идея, которая обеспечивала нас полезными сведениями еще 5—6 месяцев. На каждого немецкого солдата, уроженца данной местности, была заведена специальная карточка, в которой отмечались его имя, фамилия и принадлежность к определенной части, перемещение, адрес родителей. На его семью мы тоже завели карточку. Это мероприятие позволило мне следить за моими поднадзорными солдатами. Прекрасно помню одну открытку, полученную мной в последних числах января 1916 г. Открытка была послана из Берлина. Написано было всего несколько слов: «Ничего не было бы приятнее, как остаться здесь еще несколько дней, но нас посылают на восток. Фери едет вместе со мной. Альберт». Открытка была адресована в Данимари Бейерам; справляюсь в своей картотеке и получаю следующие данные: Альберт Бейер ...дивизии ...полка ...батальона; последнее письмо написано им из Шампани 24 сентября 1915 г. Разыскиваю Фери, но безрезультатно. Тогда отправляюсь в Данимари, передаю открытку Бейерам и небрежно спрашиваю, кто такой этот Фери.

— Это наш племянник Бильжер, проживавший в Нижнем Сенуа.

По возвращении я нашел следующие справки, касающиеся его: он принадлежал к другой части той же дивизии, что и его родственник. Отсюда я заключил, что вся дивизия отправлена на русский фронт. Вечером капитан вызвал меня по телефону.

— Вы должно быть ошибаетесь, дивизия, о которой вы мне сообщили, совсем недавно была еще в Шампани. Я имею точные сведения.

— Но все же в открытке сказано довольно ясно, что ...числа оба солдата находились в Берлине, направляясь на восток. Это не раненые и не отпускники, поэтому можно заключить, что здесь имеет место передвижение войск. Считаю эту версию единственно правильной.

На следующий день у меня был опять разговор по по-

воду этой несчастной открытки, а через три дня мне сообщили:

— Вы оказались правы, в штабе произошла ошибка... дивизия заменена в Шампани гвардейцами, прибывшими с русского фронта.

Полное прекращение отправки писем с немецкой стороны совпало с подготовкой атаки на Верден.

Все же организованное мною дело существовало в продолжение многих месяцев, несмотря на то, что жители, в конце концов, знали, что их корреспонденция, собираемая и раздаваемая военными, проходит своего рода контроль. Такие вещи не могли остаться неузнанными, принимая во внимание те условия, в которых нам приходилось работать. Несколько хитростей, придуманных мной, не смогли помочь этому. Так, например, я сфабриковал печать подобную той, которую применяла немецкая цензура, и ставил штемпель на все письма, проходящие через мои руки. Некоторые эльзасские жители писали о французах довольно нелестные вещи. Большей частью я их пропускал, если писалось, например, следующее: «Они (французы) имеют всего вдоволь, каждый из них ест и пьет за троих. Как досадно, что враги едят за нашим столом и спят в наших кроватях, в то время как вы, бедные...» и т. д.

Глава четвертая

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГЕРМАНИЮ

Дитрих не задерживался долго в С. Так же как и Валери, он не понравился доктору Бюшеру, который был до некоторой степени нашим начальником.

Риттер, заменивший его, был человеком среднего возраста, длинным и сухопарым, похожим на тренера. Он был эльзасец, хорошо знал Германию и немцев. Он тоже не понравился Бюшеру и, несколько месяцев спустя, был назначен в какое-то захолустье на незначительную работу по проверке почты. Там он должен был изучать английский язык, что позволило ему после некоторого времени стать полезным на севере.

Перед отъездом Риттера мой брат прислал мне письмо, в котором сообщил о своем выздоровлении (он заболел в самом начале войны) и желании вступить в армию. Я поговорил с капитаном Сажером и получил следующий ответ:

— Посоветуйте вашему брату отправиться в Безансон и попросить, чтобы его назначили к нам в разведку. Я пришлю его к вам на работу в качестве помощника.

Это был период, когда мы еле справлялись с работой над письмами. Приезд брата обрадовал меня. Я поручил ему чтение писем семей к солдатам, так как знал, что он добросовестен в работе и не пропустит ни одного сколько-нибудь полезного сведения.

Теперь у меня оставалось много свободного времени. Я развозил письма.

Вернемся несколько назад, к моему другу Биркелю, управляющему Филиппу и доктору Х.

Мне необходимо было возобновить связь с доктором Х., который после ранения лежал в госпитале в Бадене.

Но каким образом связаться с ним? Я мог бы воспользоваться услугами Биркеля, но он был зол на французов, и доверять теперь ему важное поручение было бы неосто-

рожно. Написать самому доктору? — Это могло бы его скомпрометировать. Оставался один выход: послать к нему надежного человека, который знал бы доктора лично и не возбудил бы подозрений. Такого человека у меня не было. Я сам мог поехать, но где достать нужный для этого нейтральный паспорт? Бывшие немецкие и английские агенты пишут теперь, что в 1914 г. их разведки уже фабриковали всевозможные фальшивые документы. Мне кажется, что в то время мы до этого еще не дошли.

В Цюрихе у меня был знакомый инженер Гроссман. У него я покупал раньше сельскохозяйственные машины. Я знал, что он большой друг Франции, но не знал о его связи с капитаном Сажером. Каково же было мое удивление, когда в один сентябрьский день он вошел в мою контору в С.

— В М. мне сообщили, что вы находитесь здесь, — сказал он. — Я попросил капитана предоставить мне автомобиль, чтобы приехать повидаться с вами.

Так как он был «свой», то мы разговаривали с ним о многом. Мысль о докторе Х. не покидала меня, и я спросил:

— Знаете ли вы Х., он был доктором в Мюльгаузене?

— Мы вместе с ним учились в Страсбурге. Он мог бы нам принести большую пользу, — ответил он.

— Я об этом и думаю. У меня есть его адрес, но я не знаю, как до него добраться.

— Во всяком случае, не рассчитывайте на меня, — смеясь, сказал Гроссман. — Я на плохом счету, и мне никогда не выдадут разрешения на въезд в Германию.

Я повел его обедать в «Королевскую гостиницу». Кончив обед, я уже собирался заказать кофе, как вдруг в зал вошел часовщик из С. Заметив Гроссмана, он остановился в нерешительности, потом его лицо озарилось улыбкой, и он подошел к нам.

— Кого я вижу? — воскликнул он. — Разве это не ты, кузен Жюль? Прошу прощения, я кажется ошибся, что вы так похожи на Жюля, что чем дольше я на вас смотрю, тем больше мне кажется, что это действительно он.

Я не обратил внимания на его слова, так как знал, что этот человек способен притворяться, чтобы завлечь нас в свой магазин и попытаться продать Гроссману часы. Между тем, часовщик заметил, что мы не пили кофе, и сказал:

— Ах, господа, вы еще не пили кофе? Идемте ко мне, этим вы доставите мне большое удовольствие.

Мы пошли к часовщику. Кофе его оказалось неплохим, и если он ничего не продал Гроссману, то и не выразил никакого недовольства по этому поводу.

— Откуда получаете вы свой товар? — спросил мой друг.

— Большой частью я произвожу его сам, остальное покупаю в Швейцарии и как раз у того самого кузена, который так похож на вас.

Часовщик позвал своих дочерей и спросил:

— На кого похож этот господин?

Младшая, хорошенькая блондинка со смеющимися глазами тотчас же воскликнула:

— Конечно, на дядю Жюля.

На следующее утро возникшая у меня вначале расплывчатая и неясная идея приняла более ясные очертания, и я опять отправился к часовщику. Частенько он просил меня выдать ему пропуск в Швейцарию и в свою очередь, когда мне нужно было от него что-нибудь, он никогда не отказывал.

— Хотите совершить вместе со мной маленькое путешествие в Швейцарию, господин Н.? — спросил я.

— С удовольствием. А куда мы поедем?

— К вашему кузену Жюлю. Это можно будет устроить?

— Конечно. Он будет в восторге.

Через неделю мы перешли границу: он из С., а я из Делла, чтобы не возбудить подозрений.

Кузен Жюль, действительно, был похож на Гроссмана. Оба были приблизительно одинакового роста и одних лет. Он прекрасно принял нас. Я не хотел обращать на себя внимания в Б. и поэтому занял единственную свободную комнату Жюля, а Н. остановился в отеле.

На следующий день у меня с Жюлем был серьезный разговор. Я спросил его, не согласится ли он взять паспорт на свое имя и завизировать его у германского консула. Не отдаст ли он этот паспорт своему двойнику и какое вознаграждение потребует за это? Отказывался он недолго и, в конце концов, согласился.

Устроив это дело, я немедленно отправился в Цюрих. Оставалось узнать, согласится ли Гроссман воспользоваться представившимся случаем. «Он человек женатый, — говорил я себе, — отец семейства, так что он может и отказаться».

Гроссман ни на минуту не задумался. Немедленно он послал Жюлю дюжину своих фотографических карточек. Тот причесался подобно Гроссману и подал заявление о выдаче заграничного паспорта. В силу его многочисленных коммерческих связей на юге Германии паспорт ему завизировали без всяких задержек. Я еще раз подробно расспросил Жюля об его семье, делах и клиентах, записал адреса клиентов, но исключительно тех, которые не знали Жюля в лицо, и, наконец, взял у него маленький чемодан с целой коллекцией часов.

— Вам придется исчезнуть послезавтра, — сказал я. — Объявите всем знакомым, что едете по делам в Германию. Возьмите билет в Базель, пересядьте в Ольтене и доезжайте до Лугано, где будете отдыхать некоторое время, естественно, на наш счет и под вымышленным именем. Ни под каким видом никому не посылайте писем. Я вам сообщу, когда можно будет вернуться в Берн.

Гроссман ждал меня в К. Я приехал, передал ему вещи, взятые у часовщика, и мы еще раз обсудили все детали нашего плана. Жюль, как и его кузен из С., не знал ни имени, ни адреса, ни национальности своего двойника, так что с этой стороны нечего было опасаться. Что же касалось Гроссмана, то тут дело обстояло несколько иначе: он не был знаком с производством часов и, естественно, не мог поддерживать разговоров с профессиональными часовщиками. Следовательно, для клиентов он должен был представляться не как фабрикант, а как его брат. Это было слабым местом моего плана, но это не остановило Гроссмана. Он выехал в Германию с согласия жены в тот же день, когда Жюль отправился в Лугано.

В ожидании его приезда я проводил долгие дни в тревоге, а ночи — без сна. Мой план теперь казался мне полным недостатков. Я считал себя ответственным за счастье двух семей и за жизнь одного человека. Наконец, из Базеля пришла условная телеграмма, в которой Гроссман извещал о своем прибытии, а на следующий день живой и невредимый, такой же улыбающийся и спокойный, как всегда, он находился в моей конторе в С.

— Прежде всего берите паспорт Жюля с обеими визами на право въезда и выезда. Он еще может пригодиться... но только не для меня.

— Скорей рассказывайте, — сказал я, — как доктор Х.?

— Я его видел, он — наш. Вот это настоящий храбрец. Но обождите минуту, дайте мне собраться с мыслями.

— Вначале все шло хорошо. Я был удивлен, даже обеспокоен тем, что так легко проник в Германию. Граница и вокзалы сильно охраняются, так что пройти контрабандой было бы очень трудно. Не могу описать эффекта, произведенного на меня остроконечной жандармской каской, замеченной мною на перроне вокзала. Это было первое, что я заметил...

Я представил себе впечатление, которое произвел на моего друга человек в жандармской каске.

— Прежде чем добратся до М., — продолжал Гроссман, — я останавливался в трех городах и в каждом делал визиты клиентам. Я не забывал предупреждать их, что я — брат хозяина, который тяжело болен и не может сам путешествовать. Прежде всего я побывал у одного клиента, который принял меня, стоя перед громадным портретом Бисмарка.

— Я состоял, — сказал он, — в деловых сношениях с вашей фирмой, но теперь это стало невозможным. Вы остаетесь нейтральны в этой борьбе. Делайте, как знаете, но я больше ничего не буду покупать у вас. Кто не с нами, тот против нас.

Не знаю почему, но я предположил, что этот человек даст знать обо мне в полицию, и почувствовал, что мое спокойствие оставляет меня как раз в тот момент, когда оно более всего было мне необходимо. Нет ничего более неприятного, чем страх перед неизвестностью и неопределенностью. Когда я направился к военному госпиталю, кто-то шел по моим следам. Остановившись перед первой попавшейся табачной лавкой и делая вид, что рассматриваю витрину, я увидел в стекле отражение человека: не оставалось ни малейшего сомнения, что за мной следили. Но я овладел собой; я находился на одной из центральных улиц, и неудивительно, что здесь были всевозможного рода прохожие. Я свернул в маленькую улицу, потом в другую. Человек шел за мной. Дрожь пробежала по моему телу, и пот выступил на лбу. «А что, если я зайду в госпиталь? Не будет ли это неосторожностью и не рискую ли я скомпрометировать доктора Х.?» — думал я. И страх подавал мне сотню поводов, один лучше другого. У меня возникла даже такая мысль: бросить все дело, вернуться на вокзал и сесть в первый же поезд. Мои нервы были напряжены до предела; я ругал себя самого: «несчастный трусишка, вот и весь твой запас энергии, у тебя хватило малодушия, чтобы при первом же затруднении испугаться и позорно бежать».

Несмотря ни на что, мне все же было жутко. Какой-то гнусный страх сжимал мне горло. Я уже видел перед собой враждебных и иронических судей, слышал массивные фразы обвинителей, допрос, смехотворность своей защиты, жесточенность, с которой они будут допытываться о тех, кто были моими соучастниками. Наконец, я представил себе тюрьму, двор, куда меня ведут на расстрел,— словом, все то, что страшнее самой смерти.

Человек продолжал крутиться вокруг меня. Он был похож на переодетого полицейского в своем коричневом костюме и светлой шляпе. Что делает он на углу этой улицы? Чего ищет? Но нет, он не следит за мной, он смотрит вверх и улыбается. Ах, он ждал ту блондинку, которая открывает окно и делает знак, что она уже готова и сейчас спустится вниз.

Жизнь все же прекрасна. Я громко смеюсь, и на меня с удивлением поглядывает проходящая мимо старая дама. Может быть, она подумала, что я смеюсь над ней?

Подзываю какого-то мальчишку и спрашиваю: «Не знаешь ли ты, где военный госпиталь?» — Он объяснил. И вот я в предместьи. Длинная прямая улица с кирпичными домами. В конце улицы — казармы, которые в Германии встречаются на каждом шагу: громадные каменные постройки, помещающиеся в таких же громадных дворах. Вот и группы солдат — слишком молодые или очень старые, остальные на фронте. Встречаются и раненые со свежими белыми повязками. Набравшись храбрости, спрашиваю раненых: «Скажите, где военный госпиталь?» — Отвечают все сразу: «Вот он». Приступаю к исполнению самого главного пункта своей задачи. Спросить доктора Х.? Решаю, что этого делать не следует, лучше подождать его у входа или в отеле «Эрцгерцог», где он обыкновенно обедает. Но в котором часу он выйдет? В течение 20 минут прохаживаюсь взад и вперед перед входной дверью госпиталя. За это время у меня создается впечатление, что сотня пар глаз следит за мной. Я не выдерживаю и, перейдя на ту сторону тротуара, направляюсь прямо в отель и требую комнату. Усевшись в кресло, я задремал, но тотчас же вскочил на ноги: уж не жандарм ли входит в дверь моей комнаты? Нет, это старик-привратник вносит вещи, которые я оставил в буфете на вокзале.

— Вот ваш багаж. Куда прикажете поставить?

— Куда хотите.

— Куда хочу? Ну, так в этом уголке им будет хорошо.

О, спасибо, большое спасибо, — с этими словами он кладет себе в карман монету.

— Скажите, когда тут обычно обедают?

— Начиная с 7 часов.

— А много людей собирается в ресторане? Много ли бывает иностранцев?

— Очень мало, путешественников всего пять или шесть человек в маленьком зале.

— А в большом зале?

— В большом зале обедают господа офицеры и господа военные врачи, но они приходят только в 8 часов. Представьте себе, столько раненых и больных. Что за несчастье — эта война. Вы счастливец, что ваша страна не участвует в ней.

Старик, не остановив я его, продолжал бы говорить очень долго. После его ухода я остался в своей комнате до ужина, а в 8 часов спустился вниз. Я был один в маленьком зале. Из соседней комнаты беспрерывно неслись звон посуды, там, повидимому, ужин был в полном разгаре. Отворив дверь, я прошел через весь ресторан, направляясь к бару. Здесь уже сидело несколько военных врачей. Их разговор был до того оживлен, что они не обратили на меня внимания. Я тотчас же узнал того, кто мне был нужен; пройдя мимо него, я уронил платок и так неловко поднял его, что толкнул кресло, в котором он сидел.

Обернувшись и увидев меня, он сделал невольное движение, но я посмотрел на него, как бы не узнавая, и уселся невдалеке за столик, потребовав кофе. С виду занятый разговором, он поглядывал на меня, и частенько наши взгляды встречались. Вдруг, обращаясь к двум врачам, сидевшим за его столиком, он произнес:

— Теперь я с удовольствием сыграл бы на бильярде

— Вы же знаете, что ни один из нас не умеет играть. Спросите вот у этого господина, может быть он знаком с игрой, — ответили ему.

Я поднялся и сказал с возможно большей чопорностью:

— Рад служить вам. Позвольте представиться: фабрикант часов Ш. из Б. в Швейцарии.

— Доктор Х. из Мюльгаузена, — ответил мой старый товарищ.

Не в первый раз играли мы на бильярде, но такой длинной партии у нас никогда не было. Два других врача уселись за карты, так что во время игры мы могли спокойно разговаривать. Я объяснил ему цель моей поездки. Он был

в восторге от самой мысли быть нам полезным, но главная трудность была в связи. В конце концов мы с ним договорились, что он будет писать в Швейцарию, как и другие солдаты, и адресовать письма Биркмайеру в Данимари за подписью Адольфа. Он и слышать не хотел о ваших симпатических чернилах.

— К чорту твои составы, — сказал он, — знайте, что учить химии немцев не приходится. Недавно они расстреляли одного англичанина во Франкфурте, думавшего, что он нашел новые превосходные чернила.

— Ничто больше не удерживало меня в этой проклятой стране, — продолжал Гроссман. — Вчера к 12 часам дня я приехал на границу. Тут начались неприятности. Насколько легок был въезд, настолько труден оказался выезд.

— Уже возвращаетесь? — спросил полицейский комиссар и, тщательно проверяя мой паспорт, добавил:

— Эта поездка принесла вам, кажется, большие выгоды. Все было бы в порядке, если бы вы возвратились через 8 или 10 дней.

— Я скоро убедился, что мне нечего рассчитывать на заключение каких-либо сделок. К чему делать лишние расходы? — ответил я.

— Какие фирмы вы посещали?

Я рассказал.

— Хорошо, увидим. Теперь, к сожалению, я должен произвести, правда, неприятную, но необходимую формальность.

Он нажал кнопку звонка.

— Обыщите его, и как следует, — приказал он вошедшим.

Обыскивали меня в продолжение часа. Мою одежду уносили в соседнюю комнату, подкладка была распорота и наскоро зашита. Моя жена это заметила по моем возвращении. Когда же на мне не осталось больше и нитки, какой-то унтер проделал различные манипуляции, не пропуская ни одной части моего тела, до такой степени, что чуть не вырвал из моего рта единственную вставную челюсть. Конечно, у меня ничего не нашли. Не это было опасно. Наверное, в этот момент комиссар звонил по всем указанным мной адресам. Что, если кто-нибудь заявит, что к нему являлся брат Жюль Ш., тогда как по паспорту я сам был Жюль Ш.? Это было единственное открытое место в паспорте, которое могло вызвать катастрофу. Можете

вообразить себе, что я пережил? Наконец, я снова предстал перед комиссаром.

— Мы проверили ваши показания, и они подтвердились. Надеюсь, вы меня извините за то, что я вас несколько задержал.

После этого он протянул мне два пальца. Могу сказать, что редко приходилось мне пожимать руку немца с чувством подобного удовлетворения, которое я испытал в этот раз. Теперь все это уже позади, впечатление немного ослабло, но должен вас уверить, что я провел несколько неприятных дней, и снова начать подобное дело у меня теперь нет ни малейшего желания.

Глава пятая
„ПРОКАЗЫ“ ДОКТОРА Х.

Как я уже говорил, начиная с осени 1915 г., письма из Германии почти совсем не поступали. Частично это объясняется подготовкой нападения на Верден. Можно ли сказать, что мы его предвидели? Нет. Правда, я чувствовал, что должно случиться что-то очень важное. Это достаточно подтверждалось отсутствием сведений и постепенным исчезновением солдатских писем.

Доктор Х. упорно молчал. У меня не было способа связаться с ним, не компрометируя его. Все же он первый раскрыл ту тайну, которой немцы окутывали свои приготовления к нападению в феврале 1916 г.

Как-то утром ко мне вбегает Витторьо.

— Скорее. Вас очень спешно требуют к границе.

Все было предвидено на случай, если доктору понадобится сделать какое-либо сообщение. От него к мэру в Ц., от мэра к содержателю кафе на границе, от последнего к Каваньетто и, наконец, ко мне, — цепь действовала бесперебойно. Прибегаю к границе. Маленький автомобильчик мэра покрывает 25 км, отделяющие нас от Делемона, и останавливается на площади перед кафе.

— А господин... еще не приехал, — спокойно говорит мэр, — но он предупрежден и наверное скоро подъедет. Оставайтесь в автомобиле, а я пойду выпить стаканчик.

Через 20 минут, брызгая грязью во все стороны, к нам подлетает мощный Паккард. Затем автомобиль пожирает километр за километром, и через час тридцать минут бешеной езды — Цюрих, Вокзальная площадь, набережная Лимма. — Мы подъехали к дому Гроссмана. Кто-то хватается за руку и втаскивает в переднюю. Радостный и взволнованный Гроссман ведет меня в комнату.

— Я приготовил вам сюрприз, — говорит он мне.

Действительно сюрприз. Передо мной сам доктор Х.

— Вы здесь?

— Да, я сам. Вы хорошо сделали, что поторопились. Сегодня же вечером я должен выехать обратно, если только это мне удастся.

Не знаю, откуда начать и что ему сказать, но он говорит торжественным тоном.

— Теперь прошу внимания. Вы понимаете, если я приехал сюда, то это не для своего удовольствия.— И вынув из кармана карту штаба, он разложил ее на столе.

— Как, вы привезли с собой карту? Вы осмелились? Но ведь это...

— Да, да, — просто ответил он. — Но дело не в этом. Меня назначили в батарею тяжелых орудий под Верден. В этом месте скоро будет настоящее пекло, когда — точно я не могу сказать. На этой карте нанесены мной позиции, занимаемые тяжелой артиллерией. Правда, здесь не все позиции, но и этого достаточно. Мир еще не видел подобной концентрации артиллерии, это будет что-то невероятное. Все это подготовлялось в течение долгих месяцев, в самой глубокой тайне, и когда я приехал туда, то не верил своим глазам. С тех пор я не мог спокойно спать. Написать вам? Но я знал, что ни одно письмо больше не пропускалось. Непрерывно подходят новые части с севера, с Шампани, с русского фронта. Много округов очень слабо охраняются, и это заставляет меня думать, что долго так продолжаться не может.

Давая эти объяснения, он все время возвращался к одному и тому же:

— Предупреждаю вас, офицеры-артиллеристы говорят, что это будет что-то из ряда вон выходящее, ничто не сможет противиться этому: Верден падет, фронт будет прорван, и Париж окажется в опасности раньше, чем смогут подойти подкрепления.

Потом он рассказал нам, как он умудрился приехать сюда:

— Я сам сфабриковал себе отпуск в Мюлузу. Приехав к себе, я переоделся в штатское и пошел отыскивать Жерома О., работающего для вас, для разведки в М.

Я и Гроссман переглянулись, мы не знали никакого Жерома.

— Может быть он известен одному лишь доктору Бюшери или самому капитану: есть агенты, которые работают только на этих условиях.

— В общем факт тот, что Жером существует, — воскликнул доктор Х. — Что это за свинья! Я застал его в постели.

— Но откуда вы узнали, что он...

— Мои родители знали. Так уж это устроено, что десятки людей знают их, но никто ничего не видит и не слышит. Это как раз и есть чудо настоящей войны. Но возвратимся к этому Жерому, будь он проклят.

— Я вас не знаю,— сказал он мне,— и не понимаю, чего вы от меня хотите.

— Я хочу, чтобы вы немедленно отправились в Базель и обо всем предупредили французов.

— Французов? Да вы с ума сошли, я вас сейчас арестую.

— Ну этого-то вы не сделаете, потому что в таком случае я тоже кое о чем сумею рассказать. Ну, не валяйте дурака, все знают, что вы поставляете немцам мясные консервы, но я-то знаю, что эти консервы служат для маскировки совсем иной торговли. Поймите, что я одобряю вас и нахожу это очень смелым. Видите эту карту. Вам за нее дадут большие деньги.

Но он боялся меня, несчастный, боялся, что я хочу завлечь его в западню.

— Ладно, вы не хотите, так я сам поеду. Дайте мне, по крайней мере, адрес вашего доверенного в Сен-Луи. Помогите же мне, чорт возьми, пробраться в Швейцарию.

Но он упорно повторял:

— Вы ошибаетесь, я ничего не знаю и ничего не делаю. С каким наслаждением я задушил бы этого человека!

— Из-за вас мне придется рисковать своей шкурой.

Он подумал немного и сказал:

— Покажите вашу карту.

— Вот она. Каждый кружок — батарея артиллерии, громадные 210-мм орудия. Двойные кружки обозначают арсеналы.

Он ошеломленно посмотрел на меня и проговорил:

— И вы хотите, чтобы я доставил эту карту в Швейцарию? Нет, вы хуже, чем сумасшедший.— Он еще подумал и добавил: — Это экстравагантно. Мне начинает казаться, что вы говорите правду.

— А, наконец-то.

Я чувствую, что он еще колеблется. Потом он закричал:

— Нет! Я отказываюсь от этого дела. Но, если вы хотите отправиться в Сен-Луи, обратитесь к... Прошу вас ничего не записывать, обратитесь к Жоржу Кислингу, Базельская улица, 221. Скажите ему, что вы едете в Базель за партией консервов и вам требуется пройти границу без ведома швейцарских таможенников. Может быть, он вам это устроит, но я ничего не гарантирую.

— Действительно, благодаря Кислингу, я благополучно добрался до Швейцарии. Немецкие и швейцарские таможенники, жандармы, пограничники — все они закрывают глаза на провоз продуктов через границу. Но должен признаться, мое сердце под картой не было совершенно спокойно... Вы меня понимаете?

— О, да! — воскликнул Гроссман, вспоминая, вероятно, о своем путешествии в Германию.

— Мы с Кислингом договорились, — продолжал доктор, — встретиться сегодня вечером, чтобы возвратиться обратно.

Поднявшись, он нервно прошелся по комнате и, наконец, сказал:

— Откровенно должен сказать вам, господа, путешествие с этой картой в кармане подействовало на меня: у меня уже нет прежней отваги... Что если я останусь с вами и вступлю в ряды французской армии?

Я вскочил:

— Нет, это невозможно.

— Почему невозможно? А Бюшер?

— Вы на Бюшера не смотрите. В Германии вы можете принести нам большую пользу. У вас есть возможность возвратиться, и вы должны возвратиться.

— Bravo! Как легко вы это говорите.

— Но, доктор, — настаивал Гроссман, — что вы будете делать во Франции? Ухаживать за ранеными, это же смешно. Во врачах нет недостатка. Согласен, вы вылечите тысячи солдат, спасете сотни, но что все это по сравнению с той услугой, которую вы нам оказали?

Перед нашими объединенными усилиями Х. колеблется и, наконец, сдается.

— Ну, ладно. Не будем больше говорить об этом. Я возвращаюсь.

В полночь я звонил уже капитану.

Я не знаю, что сделали у нас с информацией доктора Х. Когда я спросил об этом капитана, он дал мне понять, что мое любопытство неуместно. Он не любил говорить об этих вещах. «Занимайтесь только тем, что делается у неприятеля, это все, что я от вас требую», — часто говорил он нам. Мне известно одно: наступления немцев ждали совершенно в другом месте.

Десять дней спустя после этого знаменательного свидания немцы неожиданно зашевелились по всему эльзасскому фронту. Я еще был в постели, когда раздался пер-

вый пушечный выстрел. Открылась дверь, и ко мне вошел брат.

— Они начинают бомбардировку и на этот раз настоящую, — проговорил он.

Быстро одеваюсь. Неприятельские снаряды падали все ближе и ближе. Наши два 150-мм орудия и другие батареи, которые я и не заметил, тоже подняли шум. Напуганные солдаты территориальных войск бегали взад и вперед. Скоро на улицах не осталось ни души. Одни заняли свои места в окопах, другие же, которые должны были остаться в местечке, попрятались в подвалах. Я вернулся в дом и принялся упаковывать бумагу и картотеку.

В 30 метрах от нашего домика разорвался тяжелый снаряд. Я подумал, что пора звонить в М.

— Ну, как у вас там, сильно греет? — спросил капитан.

— Да, неплохо...

В этот момент от сильного взрыва задрожал наш домишко.

— Слышите, капитан? Это снаряд упал совсем близко.

— Действительно, но вы там будьте поосторожней, и особенно берегите архивы.

— Все уже упаковано и в любую минуту может быть вывезено или сожжено, смотря по обстоятельствам.

— Не думаю, чтобы вы были в опасности, это лишь демонстративная бомбардировка. Доктор Х. оказался прав. Через несколько часов я пришлю вам автомобиль, погрузите ваши бумаги и приезжайте сюда.

— О, мой капитан, получится так, будто я бегу при первой же опасности.

— Ладно, у меня нет времени спорить с вами, ждите приказаний.

Это был мой последний телефонный разговор в С. Только я хотел повесить трубку, как она была вырвана из моих рук, в то время как на противоположном конце комнаты земля, казалось, расступилась и извергла клубы черного дыма, серой пыли, щебня и куски металла. Я послал брата завтракать, но он скоро возвратился и сказал, что таверна разрушена, жители местечка грузят на повозки свои вещи и что эвакуация давно началась бы, если бы не мешал огонь противника. Я вышел на улицу. Как здесь, так и в комнате опасность была одинакова с той только разницей, что в комнате каждую минуту могли обрушиться стены. Грустный спектакль. Меньше, чем в пять часов, красивая деревушка превратилась в груды дымящихся раз-

валин. Но мало-помалу бомбардировка слабела, и уже можно было видеть спокойно работающих людей.

К пяти часам приехал Бертон с письменным приказом.

«Переводчику Рожеру возвратиться в М. с архивами. Бригадир Р. (мой брат) остаться в С. до нового распоряжения».

— Не горюй, — сказал я, — я попрошу капитана, чтобы он поскорее отозвал тебя отсюда.

— Прощу тебя, не делай этого, — сказал он, обиженный. — Видишь, все уже кончено. Я начну эвакуацию населения сегодня ночью, и командир будет доволен тем, что кто-то из нас остался здесь.

— У нас там не ладится, — сказал мне, между прочим, Бертон, — капитан ужасно нервничает и офицеры тоже.

Действительно атака на Верден уже началась, и капитан знал лучше, чем кто-либо другой, всю важность происходившего. Если он и чувствовал внутреннее удовлетворение в возможности сказать себе, что он это предвидел и предупреждал об этом, то прочесть на его лице ничего нельзя было, кроме усталости и тревоги, так как в то время не было места мелкому тщеславию. Со всех сторон, от штабов дивизий и армий, сыпались к нему вопросы, на которые никто не смог бы ответить. Но со временем все вошло в свою колею. Несмотря на гигантскую бойню, жизнь, всегда более сильная, чем смерть, продолжала свое равномерное течение.

После полной эвакуации из С. мой брат возвратился в М., и мы наняли брошенную кем-то квартиру. Жизнь была бы сносной, но я не имел определенных занятий. Заменяя кого-нибудь или исполняя неожиданно появившуюся работу, я чувствовал себя лишним. Этот период, во время которого я играл роль затычки, оставил мне неприятные воспоминания. Я получал тогда очень часто выговоры, хвалили же меня редко. Однако должен сказать, что приступы уныния, которым я подвергался и к которым располагала меня моя нервозность, не происходили из-за подобных мелочных причин. Впрочем, я всегда любил жизнь, полную опасностей и приключений, не будучи в то же время особенно дерзким или даже смелым.

Совершенно случайно я познакомился с эльзасцем — Сен-Гобэн. Впоследствии мне не раз приходилось встречаться с ним. Мобилизованный в августе 1914 г., он работал шофером при штабе командующего N немецкой бригадой. Во время одного сражения он вез генерала к Вогезам,

к месту сражения. У подножия холма генерал слез и пошел пешком. В это время недалеко от этого места отряд французских стрелков наступал, и Сен-Гобэн увидел, что немцы отступают к тому самому холму, у которого он стоял. Тогда поняв, что представляется долгожданный случай, он пустил автомобиль вперед полным ходом. Узнав машину генерала по флажку на радиаторе, немецкие пехотинцы посторонились, чтобы дать ей проехать. Они опомнились, когда увидели, что Сен-Гобэн одной рукой машет белым платком французам, и начали стрелять ему в спину. Французы также встретили его ружейными выстрелами, но, на его счастье, он не получил ни одной царапины. Он сдался французам, тотчас пославшим его на перевозку раненых. Любопытно, что взятый в плен адъютант немецкого генерала был препровожден в штаб в автомобиле, на котором он привык ездить с самого начала войны. Шофер также был ему знаком. Продолжая еще носить серо-зеленую немецкую форму, он надел кепи французского стрелка. Тысячи эльзасцев и лотарингцев перебежали во время войны на французскую сторону, но немногие сделали это с подобной решительностью и так хорошо выбрали для этого подходящий момент.

Капитан послал Сен-Гобэна в Швейцарию, где он уже находился в продолжение 16 месяцев. Благодаря ему мы узнали Гроссмана и Рамюзо. Он рассказал мне, что вынужден был покинуть Швейцарию, так как его раскрыли. Теперь он находился в Ц., откуда и держал связь между нашей разведкой и Швейцарией.

Несколько позже, восстанавливая в памяти все, что я слышал от Сен-Гобэна, я решил, что в Швейцарии осталось вакантное место. При первом же удобном случае я переговорил с капитаном. Подумав с минуту, он сказал, улыбаясь:

— Я вижу, вам не сидится на месте. Впрочем, вам пришла в голову неплохая идея, я подумаю об этом.

Проходили недели. Я уже предполагал, что капитан или забыл или изменил свое мнение, но говорить еще раз на эту тему не решался.

В один прекрасный майский день капитан потребовал меня к себе и сказал:

— Я как следует обдумал вашу просьбу о поездке в Швейцарию. Генеральный штаб дал на это свое согласие, вам остается лишь собраться в дорогу. Можете выехать через неделю, за это время вам успеют выдать паспорт. Для этого передайте лейтенанту Буавену ваши фотографии

вместе с необходимыми указаниями, но главное, чтобы в них ничего не напоминало Эльзас. Перед отъездом я дам вам нужные инструкции. А пока что постарайтесь как следует вникнуть в свою задачу.

— Очень вам благодарен, капитан, сделаю все возможное, чтобы...

— Я это знаю, — проворчал он, — иначе я не доверил бы вам подобного поручения. Кстати, я выхлопотал для вас чин подпоручика; когда вы будете в Швейцарии, вам понадобится большее жалованье, чем то, которое вы сейчас получаете.

Последние дни и ночи моего пребывания в М. я обдумывал условия, в которых мне предстояло работать. За время моего пребывания в разведке мой кругозор значительно расширился. Я научился отличать полезные для нас вещи от незначительных, и в моем уме уже намечался план действия. Я решил работать по-французски, т. е. скромно, с минимумом денежных затрат и максимумом усилий, благодаря чему мне возможно удастся в своей сфере оказаться таким же полезным, как шпионы наших врагов, организованные и обученные задолго до войны и в предвидении ее. Я знал, что мое жалованье подпоручика, как бы оно ни было увеличено подъемными и суточными, не позволит мне посещать театры, дансинги и модные курорты. Я не смогу ни принимать приглашения, ни давать званые обеды и ужины, как это делают английские агенты. Нечего было и думать о том, чтобы проникнуть в великосветское общество, где в разговоре за чашкой кофе с каким-нибудь крупным политическим деятелем, дипломатом, финансистом, предпринимателем можно почерпнуть больше ценных сведений, чем в тех слоях населения, которыми я принужден буду довольствоваться.

Когда тайная полиция прислала мне паспорт, во всем соответствующий воинскому билету, капитан снова вызвал меня к себе.

— Вы получите, — сказал он мне, — три тысячи франков, а когда они у вас кончатся, сообщите мне, я вам пришлю еще. В крайнем случае можете обратиться к Сен-Гобэну. Сверх того вы будете получать каждый месяц свое жалованье, что даст вам возможность существовать. Расходы на возможные перемещения в эту сумму не входят. Оденьтесь прилично, но так, чтобы не обращать на себя внимания. Вы знаете, как мы платили нашим агентам за полученные информации. Пришлите мне список добытых

вами сведений, и после моей оценки он будет оплачен. Сен-Гобэн сообщит вам адреса тех лиц, с которыми он был связан, и вы возобновите прерванные сношения. Не ограничивайтесь знакомством с этими людьми, постарайтесь завербовать новых агентов, но это требует тонкости в подходе и знании людей. Запомните также, что не бывает хорошей разведки без быстрой и верной связи между вами и вашими агентами, между вами и мной. Не забудьте, что в Швейцарии мы имеем множество агентов, которые служат и нашим и вашим. Будьте осторожны, остерегайтесь как врагов, так и друзей. Не могу дать вам более определенных инструкций на все случаи. Действуйте, смотря по обстоятельствам, я рассчитываю на вас.

Два дня спустя, 13 мая 1916 г., я был уже в Швейцарии. Первым делом я навестил всех знакомых мне людей, и, таким образом, в каждом большом городе у меня был верный человек, у которого при случае я всегда мог рассчитывать на гостеприимство. Я посетил господина Рамюзо в Невшателе и был удивлен, встретив у него своего старого друга Мюллера из Мюлузы, который, чтобы не служить в немецкой армии, покинул Эльзас в возрасте 16 лет и принял швейцарское подданство. Сирота и единственный сын, он унаследовал приличное состояние, что позволило ему сделаться рантье. Обосновался он в Лозанне. Несмотря на двенадцатилетнюю разницу в возрасте, мы были с ним хорошими товарищами. Вместе мы путешествовали по Испании. Он провел несколько недель у меня на даче в Италии. Прошло после этого несколько лет, и мы с тех пор не получали друг от друга известий. Можно себе представить, какую радость доставила мне эта встреча. Он рассказал о себе. В начале войны он устроился таким образом, чтобы не попасть в швейцарское ополчение. Пошел добровольцем во французскую армию. Как эльзасец, он имел бы выбор между всеми родами оружия, но швейцарские бумаги отправили его в иностранный легион. Он никогда не рассказывал мне об этом периоде своей жизни, но я догадывался, что пребывание в среде подозрительных и испорченных элементов отталкивало его. Во Фландрии Мюллер был ранен в легкое, награжден орденом и освобожден от военной службы. После этого он возвратился в Швейцарию на поправку. Он с восторгом предложил мне свои услуги, когда узнал, зачем я сюда приехал.

Среднего роста, всегда элегантно одетый, широкоплечий и с правильными чертами лица, Мюллер очень нравился

женщинам. Он был настоящий Дон-Жуан, и его победы были неисчислимы. Вместе мы отправились в Лозанну, где я хотел обосноваться. Здесь я нанял маленькую квартирку из двух комнат с чудеснейшим видом на горы.

Через два дня после приезда в Лозанну начались мои непрерывные странствования по Швейцарии, продолжавшиеся до самого конца войны. В этой стране не было недостатка в людях, которые симпатизировали нам, но их нужно было отыскать. Посетив всех своих знакомых, я просил каждого вербовать для меня при каждом случае новых агентов. Мои агенты не должны были знать друг друга. Это был единственный способ уменьшить разрушения в цепи в случае, если один из них попадетсЯ. Начальник группы руководил только теми, которых он завербовал, но он не должен был знать о существовании других. В скором времени число моих агентов увеличилось до такой степени, что я должен был отдать распоряжение о вербовке только таких людей, которые способны поехать в Германию. Это отсеяло всех любителей и романтиков, готовых нарушить федеральные законы, но пасующих при виде взвода немецкой пехоты.

В числе первых я завербовал Жюля. Сначала я принес ему паспорт, а когда он стал жаловаться на все уменьшающийся сбыт своей продукции (почти все его клиенты были немцами), я спросил его, почему бы ему самому не сделать маленькой деловой поездки.

Он подскочил, сделал гримасу, но, подумав, ответил:

— Действительно, почему бы и нет?

Он уехал через несколько недель. Я не рассказывал ему о тех трудностях, которым подвергся при выезде Гроссман, и ограничился советом въехать в Германию через иной пункт и продолжать поездку до двух недель, не меньше.

Чрезвычайно ответственным делом в моей миссии были встречи с новыми агентами, завербованными каким-нибудь начальником ячейки. Всегда надо было опасаться ловушки или, что еще хуже и всего опаснее, добродетельного негодования господина, которому показалось, что ему самому расставляют сети. Завербованных агентов нужно было еще удержать в своем лагере, так как не исключалась возможность, что какой-нибудь агент союзной державы, желающий избежать поисков, полных всякого рода случайностей, ограничится слежкой за мной. Когда же он убедится, что такая-то личность находится у меня на службе, то он идет к ней и говорит:

— Скажите, вы работаете на французов?

— Что вы, да никогда в жизни.

— Не отпирайтесь, мы это знаем точно. Так вот, вы напрасно это делаете, французы вам очень мало платят. Переходите к нам.

Подобные фокусы не в моем вкусе, но что было делать? Приходилось приспособляться.

Шпионы наводняли Швейцарию. Все воюющие страны имели здесь своих представителей, и в скором времени я приобрел особый нюх, позволявший мне почти безошибочно угадывать их.

МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В ШВЕЙЦАРИИ

После первых недель безделья, когда я еще нащупывал почву, не зная, с какого конца взяться за дело, пришла пора напряженной работы. Справился я с ней лишь благодаря хорошему подбору своих агентов и правильной расстановке сил.

Я избрал полем своей деятельности большие города, где преобладал немецкий диалект. Гроссман знал в Базеле одного бывшего мастера, эльзасца по происхождению, ненавидящего немцев из-за бесчисленных столкновений с ними. Он был завсегдатаем «Серебряной монеты», где ежедневно после обеда играл в карты. По приезде в Базель я остановился в этой скромной, но чистой гостинице, и среди игроков без труда узнал того, кого искал по описанию, сделанному мне Гроссманом. Я понял, что с этим человеком можно обойтись без осторожных подходов, и прямо перешел к делу. До окончания войны Шмидт оказывал мне множество ценных услуг.

— В «Серебряной монете» у меня имеется много единомышленников, — сказал он мне. — Мы уже давно ломаем себе голову, как бы отомстить немцам, но до сих пор ничего не смогли придумать. Теперь дело пойдет на лад.

Он познакомил меня с хозяином гостиницы, тоже загоревшимся желанием сделать что-нибудь для меня. Местные жители были настроены против немцев. Здесь происходили бурные дискуссии. Я счел нужным перебраться в другую гостиницу и дал понять Шмидту, так же как и хозяину гостиницы, что не мешало бы положить конец подобным бесполезным дискуссиям и что некоторая германизация заведения послужила бы лишь на пользу нашему делу. Надо было привлечь немецких путешественников, наполнить всю гостиницу немцами и постараться создать дружественную для них обстановку.

— Но как это сделать? — спросил хозяин. — Ведь нельзя

же подорвать репутацию, установившуюся за моей гостиницей.

Подумав, я ответил:

— Если бы вы «заболели», на ваше место можно было бы пригласить директором гостиницы немца?

— Надо будет найти такого, который был бы вполне надежен.

Через несколько недель я встретил в «Серебряной монете» чопорного господина с рыжими, стоящими торчком усами, с бритой головой, производившего впечатление немецкого унтер-офицера в отставке. Вся прислуга была заменена новой, кроме официанта в ресторане и горничной.

— В «Серебряной монете» я больше не показываюсь, — сказал мне Шмидт.

— А как дела гостиницы?

— Кажется лучше, чем раньше, — ответил он. — «Они» начинают прибывать, а ведь вы знаете, что все «они» чертовски много пьют.

Потребовалось всего три месяца, чтобы за заведением установилась прочная репутация германизма. Тогда мы устранили часть существующего штата, а вместо них завербовали нескольких эльзасцев, работавших для нас и поддерживавших немецкое лицо заведения.

С каждым днем заведение совершенствовалось. Было устроено так, что из смежного помещения можно было наблюдать за всем происходившим в двух комнатах. В остальных номерах были установлены скрытые микрофоны, даже ресторан был снабжен ими. Хозяин, живший теперь в другом городе, сказал мне как-то:

— Дела идут превосходно, и я думаю модернизировать все заведение. У нас уже были посетители вроде имперского прокурора в Х. фон Вехтера. Но что касается меня, я начинаю порядочно скучать.

Осенью 1918 г. он уже собрался нанять другой отель, полный интернированных немцев, но тут было объявлено перемирие.

Шмидт завербовал для меня трех агентов. Все они снабжали провиантом районы Сен-Луи и Лерраха. Впоследствии он завербовал мне еще одного агента, торгового представителя какой-то фирмы, сделавшего немало поездок в Германию. Губерт (так мы окрестили его) был ответственным руководителем созданной им самим ячейки. Я даже как-то устроил его встречу с Жюлем, что шло вразрез со всеми моими правилами.

На надежного человека в Цюрихе указал мне Сен-Гобэн. Это был собственник маленькой табачной лавки Гекер. Его дела были не из блестящих, и он не пренебрегал прибылью, доставляемой ему преданностью нашему делу.

У Гекера была племянница, служившая продавщицей у него в магазине. Это была красивая девушка, обладавшая, подобно итальянкам, смуглым цветом кожи, черными волосами и гибким телом. Недаром называли ее красавицей Кэти. Мужчины, приходившие в лавочку, больше смотрели на нее, чем на разложенные перед ними сигары. Кэти была чистокровной немкой. Ее отец — баварец, бросив жену и дочь, уехал в Парагвай. Гекер приютил ее с матерью у себя. Он обожал свою племянницу, но в один прекрасный день, когда мы сидели в кафе и пили пиво, он предложил мне ее для дела.

— У нее есть паспорт, — сказал он мне, — и обожатель в немецком консульстве. Через него она без труда получает визы.

Я поговорил с девушкой, пригласив ее сначала на прогулку. Она была любезна, весела, ее красивые черные глаза и красные губы приковывали мой взгляд.

— Нет ли по ту сторону границы молодого человека, который любит вас? — спросил я ее.

Покраснев, она сказала:

— Зачем вы это спрашиваете?

— Меня это интересует; не стесняйтесь и расскажите мне все.

Она вынула из сумочки фотографию и показала мне. Я увидел красивое молодое лицо с гордым взглядом из-под каски.

— Не говорите об этом ни маме, ни дяде, боюсь, что они будут недовольны мной. Вы — другое дело, вам я доверяю. Не правда ли — он красив? Сейчас, — продолжала она, — он уже выглядит не так, как на этой фотографии. Осколком снаряда ему попортило левую часть лица.

— Значит, он больше не солдат?

— Нет, после операции он остался в армии, но на фронт его больше не пошлют. Сейчас он живет в Фридрихсгафене... Что вы говорите?.. Кажется, он работает на заводах Цеппелина.

Я не оправдал доверия красавицы Кэти. В тот же вечер дядя узнал о всей интриге. Мы долго обсуждали вопрос и, наконец, решили, что Кэти поедет в Германию к родным,

конечно, на мой счет. Но сначала надо было убедить ее постараться добыть для нас сведения.

Вскоре она уехала и, приехав обратно через 10 дней, сообщила мне несколько не представлявших интереса мелочей. Я сделал вид, что эти сведения важны и так хорошо оплатил их, что в центре мной остались недовольны. Но у меня был свой план. Кэти сама попросила возобновить опыт.

В третий раз она уже была готова попытаться узнать кое-что у своего жениха. Впрочем, она нашла его достаточно расхоленным. Ранение и долгие месяцы пребывания в госпитале охладили его воинственный пыл. К тому же он вовсе не презирал деньги. На этот раз она привезла мне довольно интересные сведения о цепелинах. В вознаграждение я отдал ей последние оставшиеся у меня монеты в 20 марок из тех, которые дал мне капитан в сентябре 1914 г.

Тогда я откровенно поговорил с красивой табачницей.

— Слушайте меня хорошенько, Кэти, — сказал я ей. — Теперь надо склонить вашего жениха на нашу сторону. Я уверен, что англичане будут платить хорошие деньги за документы, подобные тем, которые вы привезли мне. Но пока что не говорите об этом с вашим женихом, не надо, чтобы он вас скомпрометировал или выдал.

— Чтобы он меня выдал! — вскричала она с жаром. — Он слишком любит меня и никогда этого не сделает. Он мечтает лишь о том, чтобы иметь немного денег, жениться на мне и устроиться где-нибудь в Швейцарии.

Е — Будьте очень осторожны, Кэти. Пока что ничего не говорите ему, постарайтесь лишь разузнать, какую должность он занимает на заводе.

Когда я узнал об этом, я выехал в Ц., откуда написал капитану. Жених молодой девушки был унтер-офицером, но исполнял должность подпоручика. Часть внутренней охраны была под его начальством.

На следующий день я дожидался ответа «хозяина» у Сен-Гобэна. Сен-Гобэн сказал мне, что капитан не придаст этому особого значения, но что англичане будут чрезвычайно заинтересованы.

— Лейтенант Дэвис находится сейчас здесь. Он вчера только приехал из Швейцарии. Что если мы пойдем к нему?

— Все-таки обождем капитана, — сказал я. Этот ответ оказался таким, каким предвидел его мой товарищ.

Несмотря на все свое самообладание, лейтенант Дэвис

не мог скрыть своей радости и тотчас же пригласил нас позавтракать с ним в гостинице. Я уже собирался рассказывать ему подробно обо всем, но Сен-Гобэн во-время остановил меня, толкнув ногой.

— Будьте осторожны, — сказал он мне потом, — иначе он способен провести все дело самостоятельно, а вы рискуете остаться с носом.

Предупрежденный надлежащим образом, я в продолжение всего завтрака не сказал ничего лишнего, несмотря на обилие вин, подаваемых за столом. Результат разговора был следующий. Интересные документы будут оплачены соответственно их ценности. Если удалось бы взорвать или сжечь некоторые заводы — простой бикфордов шнур или, что еще лучше, новоизобретенная бомба, установленная в подходящем месте, могла бы произвести катастрофу, — то в таком случае правительство соединенного королевства не задумается об уплате крупной суммы денег. Конечно, Дэвис не мог определить в настоящий момент величину этой суммы, но он берется выхлопотать для тех, кто устроит это дело, миллион франков и разрешение на въезд в Египет для пребывания там до конца войны.

— Но я все же сомневаюсь, — продолжал он, — что вы справитесь с этим. Вы должны были бы передать мне это дело. Уверен, что мы дадим за него хорошую цену.

Я вскочил с места.

— Напрасно, — флегматично сказал Дэвис, — у нас никто не считает себя оскорбленным, если ему платят деньги за оказанную услугу.

Возвратившись в Цюрих, я рассказал об этом миллионе, не подозревая, что деньги сыграют ту роковую роль, которая им свойственна. Шесть нолей, виденные ею в перспективе, способствовали тому, что Кэти совершенно потеряла голову. Она уехала с твердым намерением заработать их и привезти мне в скором времени согласие своего жениха.

— Будьте осторожны, — повторял я ей в последнюю минуту. — Прежде чем заговорить о таком важном деле, изучите хорошенько вашего жениха. Сначала спросите у него какую-нибудь незначительную вещь, испытайте его. Помните, Кэти, это очень опасно.

— Только не для меня, — отвечала она, — он меня слишком любит.

Все женщины склонны думать, что они любимы до безумия. Это удовлетворяет в одно и то же время их самолюбие и сердце, но иногда и ослепляет их. Поджидая ее

возвращения, я не терял времени даром и вербовал новых агентов.

Новым агентом сначала оказалась кельнерша кафе, куда мы с Гекером часто заглядывали, когда нам надо было поговорить на свободе. Это была высокая рыжая девица с белой кожей и быстрыми глазами. Как-то вечером она рассказала нам, что едет на несколько дней в Люксембург к своей матери и что у нее уже была немецкая виза.

— Вот где мне придется видеть много немецких касок, — добавила она, — в доме, где работает моя мать, остановился начальник этапа.

— Ну, можно предвидеть, что у вас не будет недостатка в поклонниках.

— Я прекрасно обойдусь без них, — воскликнула она. — Никто их не любит, так как, где бы они ни были, они командуют и распоряжаются, как у себя дома.

Упустить подобный случай было бы преступлением. Я назначил Берте свидание на ближайший свободный день, который у нее окажется. Я повез ее в Люцерн, где мы хорошо пообедали, после чего отправились отдыхать в лес. Несмотря на то, что она ожидала совершенно другого рода предложения, — все же мое предложение она приняла, когда я заверил ее, что она ничем не рискует. Я проинструктировал ее и постарался дать представление о тех вещах, которые нас больше всего интересуют.

Через две недели я опять встретился с Бертой в том же самом городке. Мы сели в нанятую мной лодку, и здесь, на спокойном озере, где отражались высокие горы, вдалеке от посторонних ушей, она рассказала мне о своем путешествии. Изредка я перебивал Берту, чтобы записать ее слова. Начальник этапа, — как она мне сообщила, — ухаживал за ней. Под видом уборки она входила в его комнату во всякое время.

— Я могла привезти бумаги, но у меня нехватило для этого смелости, — сказала она. — Я записала все, что показалось мне важным. Потом он мне рассказал кое-что. В общем, я сделала все, что смогла.

— Да, я это вижу, но у вас имеются записи?

— Сейчас вы увидите, как хитры мы, женщины, — вскричала она. — Я записала все на ленту, которую вшила потом в пояс в своих панталонах. Не правда ли, это хороший тайник?

Я ответил ей вопросом:

— А они вас не обыскивали?

— Не только не обыскивали, но и не задали ни одного вопроса.

Она поработала совсем неплохо. Все номера полков и других частей, которые она видела в Люксембурге и во время своего обратного путешествия, были записаны вместе с датой их прихода. Кроме того, когда она читала записи, то припоминала все детали — направление, численность людей и т. д. Чтобы классифицировать все эти данные и написать рапорт, мне понадобилось около двух часов. Сведения, о которых я писал в своем первом отчете, были оценены в две тысячи франков, что считалось хорошей ценой. В редких случаях за путешествие в Германию я платил больше этого. Берта сделала три таких путешествия, и всякий раз ее панталоны играли не последнюю роль. Во время ее отсутствия я страшно беспокоился, так как ничто не может ускользнуть от бдительного ока вражеской полиции. Самым надежным тайником надо было считать память, но как могла девушка, профан в военном деле, запомнить столько вопросов.

Должен сказать, что это единственная женщина, хорошо выполнившая данное мною задание. Все остальные мои попытки в этом духе всегда кончались плачевно. Сам капитан был того мнения, что женщина может принести большую пользу в контрразведке при условии имеющегося хорошего руководства, но для настоящего шпионажа она не годится. Что касается меня, то я должен был совершенно отказаться от вербовки женщин. Немцы не были подобного мнения. У них на службе было множество женщин. Я лично знал некоторых из них, и, мне кажется, я понял, чем они отличаются от наших. Большей частью это были девушки из хорошей семьи, с образованием. Некоторые остались без средств к жизни, поссорившись почему-либо с родителями, других привлекала романтическая сторона дела, жажда таинственных и героических приключений. Короче говоря, это не были исключительно наемницы. Они были достаточно образованы, чтобы понять, чего начальство ждет от них, и чтобы уметь вращаться в хорошем обществе. Вербовка шпионов в среде кокотов, как это делали некоторые наши отделения разведки, часто представляла опасность не для противника, а для тех, кто их нанимал.

Прошло четыре недели, а от Кэти не поступало известий. Девушка еще ни разу не отсутствовала так долго. Ее мать была в отчаянии: «Они арестовали ее, запомните

мои слова». Она не ошиблась. Я никогда больше не видел красавицу Кэти. Через некоторое время в одной вюртембергской газете появилось сообщение об ее аресте. Дело было серьезное, и ей грозила смертная казнь. К тому же я опасался неприятных последствий для ее дяди, так как почти не оставалось сомнений, что ее сумеют запугать угрозами и самим процессом суда. Действительно, несколько недель спустя Гекер был арестован по ходатайству немецкого посольства. Естественно, после этого я избегал встречаться с его сестрой, которая находилась в последней степени отчаяния.

Некоторое время спустя, в одно октябрьское утро кто-то постучал в окно моей комнаты. Я крепко спал, так как вернулся домой только в час ночи. Рассветало. Я очень удивился, когда узнал стоящего под окном моего друга Мюллера.

— Одевайся немедленно, — прошептал он, — тебе надо бежать.

— Почему бежать?

— Да, да, надо ехать как можно скорее. Не думай, что я шучу, дело очень серьезное. Одевайся быстрее, оставь все свои вещи, кроме компрометирующих бумаг. Скоро должна притти полиция. Жду тебя в конце улицы.

Закрываю окно и одеваюсь, стараясь как можно меньше шуметь. Хозяйка дома спит очень чутко. Вискальзываю на улицу и осматриваюсь по сторонам. Никого. Иду в сторону, где ждет меня Мюллер. Замечаю его издали шагающим взад и вперед. Он, кажется, нервничает. Ожидание никогда не было его любимым занятием. Он увидел меня и идет ко мне навстречу. Значит позади меня никого нет.

— Что делать нам в такой ранний час? Все закрыто, кроме вокзала, но для тебя это чересчур опасное место. Ты спрашиваешь, в чем дело? Дело в том, что немцы подали на тебя жалобу. Ведь, если я не ошибаюсь, твоя фамилия Лефевр?

— Да, мои агенты в Цюрихе знают меня под этим именем.

— Ясно. Имеется приказ об аресте некоего Лефевра, проживающего в Лозанне, за шпионство и нарушение швейцарского нейтралитета.

— Откуда ты это знаешь?

— Через одного знакомого, служащего в полиции. Это липовая фамилия, — сказал он мне, — но надо сказать, что

его разыщут очень скоро. Если это наш эльзасец, сделайте так, чтобы он немедленно исчез. Что теперь делать?

— Уехать в другой город, — сказал я.

— Нет, этого недостаточно. Тебе надо покинуть Швейцарию, но не по железной дороге, так как, ты понимаешь, что все вокзалы находятся под наблюдением.

— Но ведь есть еще озеро. Подожди, я сейчас все устрою.

Я повел своего друга в Уши и постучался к одному рыбаку, который имел на озере Леман две рыбацкие лодки и одну моторную. Это был тот самый рыбак, который переправил в Евиан знаменитого французского авиатора, интернированного в немецкой Швейцарии после того, как он произвел здесь посадку. Узнав меня, он открыл нам дверь. Я объяснил ему цель моего прихода. Может ли он доставить меня в Евиан? Нет ничего невозможного, но надо сначала привести в действие мотор лодки, который давно не работал. Он вышел. Его жена угостила нас горячим кофе. День был серый, над озером стоял туман. Пока рыбак возился со своим мотором, мы с Мюллером ходили взад и вперед по главной аллее Уши. Мы все время держались на чеку. Через час Мюллер ушел и, вернувшись, сказал мне:

— Мотор работает исправно. Теперь вот что, я отвлеку внимание таможенного чиновника, который стоит вон там. Когда я зайду за этот киоск, прыгай в лодку и поезжай.

Все произошло так, как он предвидел. Подойдя к рыбаку, он сделал вид важного господина, которому не терпится выехать, но, когда к нему подошел чиновник, он стал вести себя крайне подозрительно и пошел прочь от лодки вверх по аллее. Чиновник пошел за ним. Я наблюдал за этим маневром, спрятавшись невдалеке за стволом дерева, и, когда увидел, что они отошли достаточно далеко, быстро прыгнул в лодку, которая тотчас же двинулась вперед. Мюллер рассказывал мне потом, как чиновник вытаращил глаза, услышав стук мотора и увидев лодку, отъехавшую уже довольно далеко от берега, потом посмотрел на иностранца, который, по всей вероятности, должен был ехать, но не поехал, в то время как другой пассажир на его месте подвигался на всех парах к французскому берегу.

Некоторое время спустя я был в Евиане, откуда позвонил капитану. Потом я сел в поезд и приехал в М., где меня приняли не особенно приветливо. Капитан не допу-

скал подобного рода осложнений. Все, что мешало бесперебойной работе аппарата, было ему ненавистно.

— Как бы то ни было, но вы возвратитесь в Швейцарию, — сказал он мне к моей великой радости, так как я не забыл той жизни, которую до этого вел в М. — Ваша организационная работа еще не закончена, надо довести ее до конца. На всякий случай я прикажу выдать вам новый паспорт. На имя кого?

— Луи Тибо, — сказал я, не подумав.

— У вас не осталось больше вещей? — продолжал он. — Пойдите к портному и закажите себе новый костюм и пальто. Счет пришлите мне.

— Лучшего я не пожелал бы, капитан. Думаю, что, избегая своего старого места жительства, я ничем не рискую.

— Это мы скоро увидим, я навожу дополнительные справки.

Он не сказал мне, каким образом он это делал, но через несколько дней спустя он потребовал меня к себе.

— Можете выезжать обратно; мне кажется, ваш друг Мюллер чересчур легко поддается панике. Но все же будьте осторожны.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЛЕРРАХЕ

Еще во время своего предыдущего пребывания в Швейцарии я был свидетелем самого удивительного эпизода, когда-либо виденного мной во время войны. До сих пор он остается для меня необъяснимым.

В один прекрасный день Шмидт узнает, что молодой эльзасец, его родственник, находится в Леррахе, в маленьком баденском городке, расположенном не遠далеке от Базеля. Через несколько часов связь между моим агентом и его двоюродным братом Домиником Шуттером была установлена. Последний сообщил, что с удовольствием дезертирует, если ему будет обеспечен хороший прием во Франции. В обещаниях мы, конечно, не поскупились, тем более, что Шуттер был вестовым Рейнинга, начальника немецкой разведки в Леррахе. Он долго не раздумывал и через несколько дней в 10 часов вечера перешел границу, но так неудачно, что попал в руки швейцарским таможенникам, препроводившим его в Базель, где он был допрошен офицером федеральной разведки и потом заключен под стражу. Об этом, наверное, тотчас же дали знать в Леррах, так как на следующий день утром, когда он предстал перед комиссаром базельской полиции, он нашел у него своего начальника Рейнинга.

— Ну, ну, — сказал тот добродушным тоном, — мы сделали маленькую глупость и только для того, чтобы не возвращаться на фронт, не правда ли? Я это понимаю и не буду очень строг. Возвращайся со мной, я тебя прощаю.

— Никогда в жизни, — ответил вестовой.

Немецкий офицер посмотрел на швейцарского комиссара, который тотчас же вмешался:

— Вам предлагают возвратиться на очень выгодных условиях. Если вы этого не сделаете, то рискуете остаться в тюрьме в продолжение всей войны.

— Как хотите, — ответил эльзасец, — я предпочитаю быть узником в Швейцарии, чем солдатом в Германии.

— Это ваше последнее слово? — спросил Рейнинг.

— Да.

— Увести этого человека и бросить его в камеру.

Прошло много дней. Я с нетерпением дожидался возможности познакомиться с Домиником. Но пока Рейнинг сделал еще одну неудачную попытку склонить своего востового, а базельский чиновник исчерпал все свои доводы и угрозы, прошло довольно много времени. На десятый день комиссар в пятый раз вызвал к себе Шуттера и объявил ему развязным тоном:

— Я получил инструкции из Берна, касающиеся вас. Я вас отпускаю на свободу, но сначала подпишите вот эту бумагу. В ней ничего особенного, простая формальность, позволяющая мне отчитаться по поводу расходов, связанных с вашим пребыванием в тюрьме. Видите: «я, нижеподписавшийся, подвергся тюремному заключению в Штатгофе с . . . до . . .» Подпишитесь.

Одной рукой комиссар протягивал ручку, другой же закрывал текст бумаги, но он плохо прикрыл последнюю фразу, и Доминик Шуттер, настороженный таким обилием объяснений, успел прочесть: «... и добровольно возвращаюсь в Германию».

— Нет, господин комиссар, я не подпишу этой бумаги. Это ловушка! — вскричал он, смотря прямо в глаза бледному от ярости чиновнику, заревевшему:

— В карцер! В карцер его до тех пор, пока не сгниет. Но на двенадцатый день пришлось его отпустить.

Ко мне пришел Шмидт и сказал:

— Он, наконец, отпущен на свободу, но ему приказано являться три раза в день в полицию. Он сейчас находится в «Серебряной монете». Я не решаюсь пойти к нему в гости, но вы можете это сделать. Наймите комнату и останьтесь на ночь.

Директор с безукоризненной немецкой внешностью очень любезно меня принял и отвел мне 20-й номер. Доминик Шуттер занимал 23-й, который был комнатой для прислуги, куда можно было попасть через черный ход. Разделявшие нас номера 21-й и 22-й сообщались не только между собой, но и с соседними комнатами. Шкафы, маскирующие двери, были быстро отодвинуты, и я смог расспросить эльзасца без того, чтобы об этом кто-либо догадался.

Я спросил его, когда он является в полицию. Он отве

Тил мне, что в семь часов утра, в час дня и вечером. Вполне свободного времени у нас, следовательно, оставалось от 6 до 6 часов, и в этот-то промежуток надо было постараться отправить Доминика во Францию. В тот же день и позвонил в Невшатель, и Рамюзо обещал мне быть в Базеле на следующий день в 12½ часов. Я тем более был заинтересован в благоприятном исходе этого бегства, что Доминик мог дать нам исчерпывающие сведения об организации соперничающей с нами разведки.

— Как жаль, — сказал я ему, — что мы не смогли договориться до вашего дезертирства, иначе можно было бы устроить что-нибудь интересное.

По его круглой физиономии расплылась лукавая улыбка.

— Все уже устроено. Один шофер, немец, готов следовать моему примеру. Он ждет от меня известий и хочет просто знать, действительно ли он будет хорошо принят. Если вы ему пообещаете 30 тысяч марок, он привезет вам фотографии и личные карточки агентов разведки, находящихся во Франции и в Италии. Их, приблизительно, двести человек.

После этого объяснения мой энтузиазм не имел предела. Вот это настоящий, классический шпионаж. Это произведет такую сенсацию, что будут об этом печатать в газетах. И больше не стал расспрашивать Шуттера, так как знал, что Сен-Гобэну придется делать то же самое. Я решил набраться терпения и немного подождать.

На следующий день в условленном месте я встретился с Рамюзо, сидящим за рулем своей машины. А в 1 ч. 15 м. Шуттер сел в автомобиль, и мы поехали. На нем была синяя матросская куртка и такого же цвета фуражка, которые я ему купил. Сидя рядом с Рамюзо и скрестив руки, он был похож на настоящего шофера. Как только мы приехали в Ц., Сен-Гобэн взялся за работу. К 12 часам ночи он сказал мне, весело улыбаясь и потирая руки:

— Можешь меня поздравить, я сумел восстановить планвиллы Розенфельц. Кроме того, Шуттер дал мне имена и приметы двадцати агентов. Но все это пустяки по сравнению с тем, что может привезти нам его товарищ. Завтра и должен буду целый день работать над составлением рапорта, но к вечеру думаю его уже отправить в контрразведку.

На следующий день я выехал в Лозанну. Потянулись долгие дни безделья, так как в ожидании крупного дела и не брался за свою ежедневную работу, казавшуюся мне

теперь слишком прозаичной и мелочной. Прошло пятнадцать дней, после чего Мюллер передал мне приказ о возвращении в Ц.

Сен-Гобэн приехал из Парижа, но вместо того чтобы потирать руки со своим обычным оптимизмом, он встретил меня сердитым и насмешливым взглядом.

— Представьте себе, — сказал он, — они только позавчера ответили на мое письменное донесение, тянули две недели и вдруг загорелись: я получил бумагу, срочно вызывающую меня в Париж. Знаете, что сказал мне начальник? Вот его собственные слова:

— Да, ваш рапорт очень интересен... гм... очень интересен. Но вы уверены в точности этих сведений?

— Уверен, господин начальник. К тому же проверить их не так уж трудно, стоит лишь помочь дезертировать шоферу с карточками и фотографиями.

— Обождите, не так скоро. Карточки, шофер... знаете, мы этому не верим. Вот что мы решили. Даю вам 15 дней срока и 60 тысяч франков и предлагаю эту виллу взорвать. Вы получите адскую машину. Вашему шоферу — если он действительно существует — останется только положить ее на определенное место, указанное в плане, который я вам передам. Вот и все инструкции. Вы ясно представляете себе все трудности? Перевозка мелинита в Базель, оттуда к германской границе. Но для господина, умудрившегося склонить к дезертирству вестового Рейнинга, это будет детской забавой.

— Но, господин начальник, а личные карточки шпионов?

— Вы военный или нет? — сердито проворчал он. — Я не спрашиваю вашего мнения, а даю вам приказание.

Мы с Сен-Гобэном переглянулись. Друг у друга в глазах мы прочли одинаковые мысли, но не имели мужества громко высказать их.

— Это же безумие, все равно, как в «Тайнах Нью-Йорка», — сказал я, вспоминая знаменитый в то время фильм.

— Не печальтесь, — сказал мне мой товарищ. — Все это дело поручается выполнить вам. Запомните: 15 дней срока и 60 тысяч франков. Адская машина здесь, — указал он на соседнюю комнату. — Ее привезли сегодня утром. Надеюсь, что с ней вам не будет скучно.

— Ну, ну, — ответил я, — они умеют торопиться, когда надо сделать какую-нибудь глупость.

— Предупреждаю, тяжесть и объем свертка изрядны. Когда вы думаете выехать?

Машинально я почесал затылок.

— Сначала надо проехать в Швейцарию, а ведь тут пахнет пятью годами тюрьмы.

— Да, вы правы, — подтвердил Сен-Гобэн, но у него был свой план.

— Ничего, — успокоил он меня, — мы переправим эту безделушку в Швейцарию.

В тот же вечер он познакомил меня с инспектором французской таможни, который брал на себя все дело. Инспектор был очень услужливым и любезным человеком, что не мешало ему быть в то же время и весьма находчивым. Он давно уже собирался пригласить одного своего швейцарского коллегу к себе на обед и теперь намеревался сделать это как можно скорее. Сен-Гобэн со своей стороны пошлет приглашение Рамюзо, которому мы были уже многим обязаны.

Прошло три дня. Я использовал их для ознакомления с работой почтового контролера в Ц. и теми реактивами, которые теперь используются для выявления симпатических чернил. В этом вопросе я был полный профан, и мои знания стояли на уровне первых дней войны, когда я в С. контролировал и проверял письма, идущие из Сундгау, держа их горизонтально перед глазами, с тем чтобы свет освещал их наискось. Тогда можно было заметить между строками следы пера или иглы, которыми пользовался автор. За все восемнадцать месяцев я отметил лишь четыре-пять подобных случаев, и удалось мне прочесть не какие-либо государственные, а всего-навсего сердечные тайны. Я знал также, что строки, написанные мочей, луковичным или лимонным соком, проявляются под действием теплоты. Вот и все мои познания в этой области. Но в Ц. добились больших успехов. В общей сложности здесь было 250 читателей писем, и все военные. Был также список подозрительных адресов. Все сомнительные письма передавались в специальную лабораторию, где они подвергались проверке под руководством химика. Каждому известному роду чернил соответствовал специальный реактив. Таким образом, тщательно изученное письмо выходило отсюда с многочисленными разноцветными полосами, которые уничтожались специальными химическими составами. Иногда между строк показывались и буквы.

— Это случается не часто, — сказал мне химик, — но

все же мы раскрыли этим путем несколько случаев шпионажа и предательства.

На третий день Рамюзо повез нас в хороший загородный ресторан. Его вместительная машина была битком набита так как, кроме швейцарского таможенника, тут сидели инспектор и Сен-Гобэн, блондинка Марианна и брюнетка Нинетта. Я ехал сзади на машине разведки. У меня в ногах лежало несколько свертков мелинита, единственного виновника этой прогулки. Стол был хороший, вина текла обильно, а щебетанье двух хорошеньких девушек помещало разговоры перейти на профессиональные темы. От подобных разговоров удерживало нас также и присутствие чужого человека.

К 11 часам вечера инспектор, несмотря на заплетающийся язык, достиг вершины красноречия. У швейцарского коллеги глаза слипались, несмотря на его усилия стойко выдерживать напор винных паров.

— Мне кажется, уже пора, — сказал Сен-Гобэн. — Дамы останутся ночевать здесь в специально приготовленных для них комнатах, а мы поедем провожать господина Ц.

Господина Ц. втащили в автомобиль, где он немедленно погрузился в сон, достойный человека с чистой совестью. Он частично покоился на пакетах с мелинитом, завернутых в шпед. Мы разбудили его у границы, и когда к нам подошел дежурный швейцарский таможенник, он тотчас же узнал своего начальника, который широким жестом предложил ему не затягивать процедуры.

Высадив чиновника в нужном ему месте, Рамюзо повез нас к себе, где я очень спокойно провел ночь.

На следующий день я упаковал мелинит в два свертка, а в третьем поместил часовой механизм. К вечеру я перенес их по одному в зал ожидания третьего класса и стал поджидать поезд, с которым должен был приехать мне на помощь Шмидт. Однако Шмидт, боясь быть скомпрометированным, ограничился тем, что следил краешком глаза за свертками, но отказался помочь мне перенести их в вагон. Таким образом, мне пришлось сделать три путешествия из зала ожиданий в купе. Но все же в Базеле, куда мы направлялись, я сумел его убедить, и он разделил со мной риск. Один из агентов Шмидта дожидался нас на пустыре за зданием вокзала. С ним была маленькая двухколесная повозка, рессоры которой жалобно застонали под тяжестью груза. Это была странная прогулка сквозь пустынные темные улицы, сопровождаемая бесконечным стуком колес

мостовую. Никто из нас не был спокоен. Добравшись до квартиры агента, мы спрятали весь наш груз под кровать. На следующий день этот человек отправился в Леррах с грузом шоколада. К 12½ часам он должен был быть в таверне «Красный бык» и сесть за столик у двери слева. Сюда же должен был прийти немецкий шофер, фотография которого была у агента в кармане и которому он должен был сказать: «Вам привет от Макса». Это было условным знаком. Но немец не пришел ни в этот, ни на следующий день. Мой агент увиделся с ним только на четвертый день. Две недели, данные начальником, подходили к концу. В этот же вечер мой посланец говорил мне:

— Это дельце ему совсем не нравится. Карточки и фотографии — другое дело, но от этого он отказывается.

Наконец, на пятнадцатый день немец согласился переправить адскую машину в Германию. Надо было ждать еще три дня, пока на стражу у границы не встал некий эльзасец. В этот день утром я дал моему агенту седьмой и последний урок о закладке и пуске адской машины и взял на себя ответственность прибавить:

— Скажите вашему человеку, чтобы он забрал все бумаги, которые сможет достать, особенно карточки и фотографии агентов.

«Если они не интересуют начальника, они пригодятся нам в Швейцарии», — подумал я.

— Готово, — объявили мне Шмидт и его помощник в этот же вечер. — Шофер получил посылку, увез ее в своем автомобиле, и завтра ровно в 11 часов вечера домишко взлетит на воздух. Что касается немца, то он перейдет границу в 10 часов и просит нас ждать в определенном месте в 9 ч. 30 м. Ему желательно потом уехать из Швейцарии как можно скорее.

— Вы не забыли ему напомнить о карточках?

— Он обещал взять их с собой.

Пришлось еще раз позвонить Рамюзо. Он приехал на следующий день, и ровно в 9 ч. 30 м. его машина подъехала к таверне, расположенной недалеко от условленного места. Сидя за столиком, мы стали ждать с нетерпением, которое легко можно вообразить. «Что, если его поймут или он откажется от предприятия в последнюю минуту?» — думал я.

11 ч. 15 м. Немец не идет, взрыва не слышно. Я нервно прохаживаюсь взад и вперед, в то время как Рамюзо с аппетитом уплетает ростбиф.

— Сядьте сюда и ешьте что-нибудь. Ничто так не успокаивает нервы, как еда.

— Ах, нет, я ничего не хочу. Посмотрите, уже 11 часов 25 минут.

Чтобы быть кратким, скажу, что, прождав до утра, мы так ничего и не дождались. Мой агент, съездив в Лерра, вернулся и сообщил, что в таверне «Красный бык» ничего не оказалось. Я послал туда еще двух агентов, которых не были знакомы со Шмидтом. Они утверждали, что не видели военного, фотография которого была у них. Ничего больше я не смог узнать. Я был убежден, что меня обманули, но не из-за денег, так как из тех 60 тысяч, которые имел в своем распоряжении, было израсходовано лишь двести тысяч франков, а потому, что один из соучастников в последний момент струсил. Позднее, после окончания войны, я узнал, что из Рейна были выужены взрывчатые вещества, но я не имел возможности убедиться, те ли это, которые я привез из Франции в Базель.

Неудача предприятия чувствительно отразилась на моем самолюбии. Но если Л. проклинал меня в Париже, то мой непосредственный начальник Сажер не был на меня сердит. Не думаю даже, что он отнесся серьезно к этому делу.

Что касается Доминика, то он прогуливался, заложив руки в карманы, по Ц. и сильно скучал.

— Что с ним делать? — спрашивал Сен-Гобэн.

— Что хотите, — отвечал Париж, — не морочьте нам голову подобными пустяками.

Тогда Сен-Гобэн нарядил его в форму пехотинца и с дома комиссара приказал ему находиться на вокзале, следить за прибытием и отбытием поездов в Швейцарию. Прошло несколько дней, но он еще никого не узнал, и мой товарищ начал спрашивать себя, не оказались ли мы жертвой предательства, когда как-то вечером к нему пришел взволнованный Шуттер.

— Две модистки из Базеля находятся здесь в буфете, прошептал он.

— Какие модистки?

— Те, что держат шляпный магазин недалеко от базарной площади. Я хорошо их знаю, так как носил им письма в Базель, а они несколько раз приходили в разведку. Одна из них — любовница Рейнинга.

— Это были женщины от 25 до 30 лет, — рассказывал Сен-Гобэн, — одна хорошенькая, другая так себе. Их паспорт был в порядке, и они объявили, что едут в Париж.

и покупками. Предупрежденный Сен-Гобэном, комиссар показала пригласил их к себе и возобновил расспросы. Они дали ответы, ни в чем не противоречившие предыдущим. Самая хорошенькая держалась самоуверенно, в то время как ее подруга показалась мне несколько обеспокоенной. Все их вещи были вынуты из чемоданов и разложены на большом столе. Производил обыск сам Бонац, который имел особый нюх и был очень опытен в подобных делах. Он способен был разыскать пять граммов кокаина в вагоне, вмещавшем десять тонн всевозможных товаров. У них ничего не было найдено, но на дне чемодана оказалась коробка с писчей бумагой. Листы были чисты так же как и конверты, на которых стояли адреса. Улыбка блондинки тотчас же уступила место гримасе. Я унес коробку с ее содержимым в химический кабинет, где она была подвергнута тщательной проверке, впрочем безрезультатной. Но три адреса на конвертах фигурировали в черных списках. Немедленно комиссар позвонил в Париж. Я не знаю, какие он получил инструкции, но факт тот, что молодые женщины не были ни арестованы, ни отправлены обратно. На следующий день они выехали в Париж, а неделю спустя я снова видел их в Ц. В течение месяца Доминик указал мне на 14 человек, которые, по его утверждению, были ему знакомы. Я не знал, что и думать. Все выданные им субъекты были подозрительны.

— И всех их пропустили во Францию?

— Не только пропустили, но дали возможность выехать обратно в Швейцарию.

На следующий день я стал свидетелем последнего эпизода этого дела. Я и Сен-Гобэн были на вокзале, когда к нам подошел Доминик.

— А теперь, — сказал он, волнуясь, — я покажу вам самого опасного из всех.

— Послушайте, Шуттер, — сухо сказал Сен-Гобэн, — советую вам больше не смеяться надо мной. Пора кончить все эти шутки.

— Какие шутки? — сказал тот, сбитый с толку. — Идемте со мной, я вам сейчас докажу. Видите вот этого человека? Можно подумать, что у него густые волосы, правда? Но знайте же, что он совершенно лыс, волосы остались у него только на затылке и висках.

— И вы его знаете?

— Конечно, знаю. Это русский, с которым я восемь

раз ездил в Швейцарию. В последний раз, не позднего прошлого месяца, он еще пожаловал мне пять марок.

— А ну-ка, пойдем.

— Я всегда старался не показывать его этим шпионам, — сказал мне Сен-Гобэн, — но на этот раз с меня вольно.

Все трое мы подошли к русскому, которому мой товарищ резко сказал:

— Ваш паспорт!

Незнакомец протянул свои бумаги, не обращая внимания на рядового, сопровождающего двух офицеров. Но, бросив на него случайный взгляд, он вдруг ошеломленно заморгал глазами, шея его неестественно вытянулась, он побледнел, руки задрожали и выронили паспорт. Доминик поднял его, не говоря ни слова.

— Снимите вашу шляпу, — сказал Сен-Гобэн. Машинистом русским сдернул головной убор. Он действительно был лысым, и только вокруг головы были густые выющие волосы, что делало его похожим на монаха Сен-Бернардинского монастыря.

Честность нашего информатора делалась очевидно, и мои подозрения рассеялись, как дым.

Что касается русского, то он, как и остальные, на следующий день отправился в Париж, через две недели возвратился обратно и уехал в Швейцарию. Нужно сказать, что из Ц. в Париж он выехал в сопровождении парижского инспектора полиции, случайно возвращавшегося из Базеля. Неизвестно, получил ли этот инспектор особые инструкции, но факт тот, что русского никто не беспокоил. Некоторое время спустя Доминик Шуттер был интернирован в гражданском лагере. Мы о нем больше ничего не слыхали. Несколько раз мы с Сен-Гобэном принимались обсуждать эти волнующие факты, по поводу которых никто никогда не дал нам объяснений.

— Разобраться в этом очень трудно, — говорил он, — но тут ясно одно: какое-то влиятельное лицо не захотело, чтобы карточки агентов Лерраха попали в наши руки, и этому должен был помешать глупейший приказ о взрыве помещения немецкой разведки.

Все это случилось до чистки, произведенной вскоре Клемансо. После этого, как по волшебству, все границы были наглухо закрыты. Паспорта и всевозможные пропуска вышли из употребления.

Я спросил как-то доктора Бюшера, понимает ли он что-

нибудь в истории с Шуттером. Он признался мне, что так же хорошо разбирается в этом, как и я.

Единственное объяснение, которое я могу дать всему этому, следующее: шпионы, выданные нам Домиником, находились на службе у обеих враждебных сторон, что является, конечно, самым легким и безопасным методом шпионажа, так как оба хозяина, на которых работали эти люди, принуждены впускать их к себе. Но тот, кто меньше всего платит и кто не сумеет внушить к себе уважения, тому шпионы и изменяют. Поведение последних в достаточной степени доказало их нечистую совесть. Казалось, что предупрежденное нами начальство должно было остерегаться подобных субъектов. Набирать же агентов из числа подозрительных людей — это подвергнуть себя большой опасности. Что касается меня, то я этого никогда не забывал.
